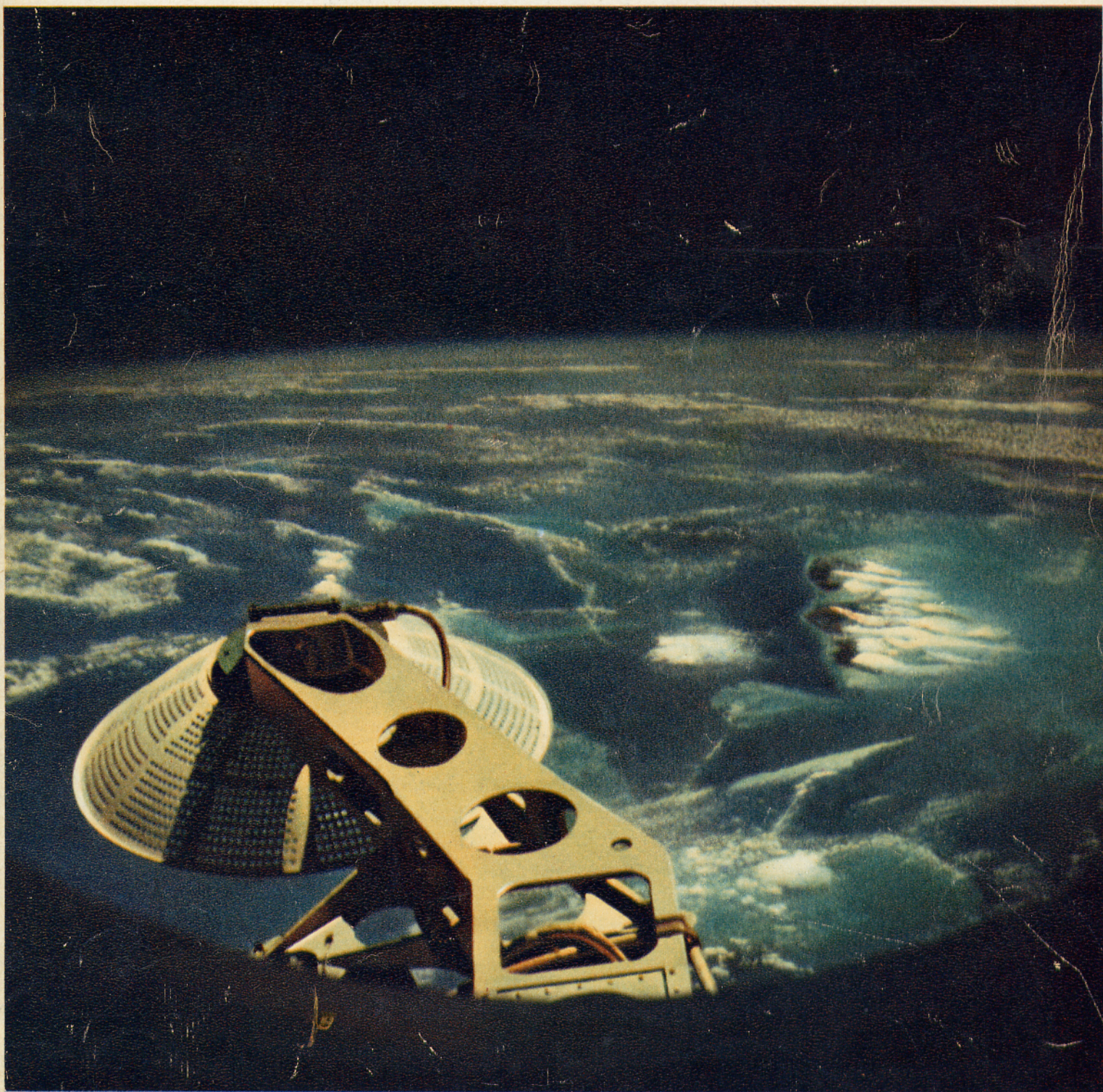

СОВЕТСКОЕ ФОТО 8 1978

ЖУРНАЛ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР

Народный

СОВЕТСКОЕ ФОТО

ЖУРНАЛ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР. 8. 1978
ОСНОВАН В АПРЕЛЕ 1926 г.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПЛАНЕТА»

Главный редактор
СУСЛОВА О. В.

Редколлегия:

ВАРТАНОВ А. С.
КИЧИН В. С.
(ответственный секретарь)
КОВАЛЕНКО Г. Я.
КРИВОНОСОВ Ю. М.
МОРОЗОВ С. А.
ОГАНОВ Г. С.
ПЕСКОВ В. М.
ПОРТЕР Л. М.
РАХМАНОВ Н. Н.
ШЕРСТЕННИКОВ Л. Н.
ЧУДАКОВ Г. М.
(заместитель главного редактора)

Художник
ВИНОГРАДОВА С. А.

Художественный редактор
БЕРСЕНЬЕВСКАЯ Т. Д.

НА ОВЛОЖКЕ:

1-я стр. Земля с борта космической станции. Цветной негатив сделан на борту орбитального комплекса космонавтами Ю. Романенко, Г. Гречко, А. Губаревым, В. Ремеком
2-я стр. Белые ромашки. Фото Сергея Костромина (Москва)

4-я стр. Озеро на Памире. Фото Алексея Васильева (Москва)
Адрес редакции:
101000, Москва, Центр, М. Лубянка, 14

Телефоны:
зав. редакцией
221-04-97
секретариат
294-53-44
отдел фотожурналистики
228-69-48
отдел фотоискусства и фотолубительского творчества
228-99-11
отдел истории и теории фотографии
294-82-14
отдел техники
228-66-38
отдел писем
221-43-67

A05116
сдано в набор 31/V-78 г.
подп. к печ. 6.07.78 г.
формат 62×92 $\frac{1}{8}$
печатных листов 7,25
учетно-издат. листов 10,57
тираж 234.000
зак. 1774, цена 50 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
Московская типография № 2
Союзполиграфпрома при
Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств,
полиграфии и книжной
торговли
Москва, проспект Мира, 105

© Издание Союза журналистов СССР. 1978

В НОМЕРЕ:

РЕПОРТЕР
РАБОТАЕТ
НАД ТЕМОЙ

ПРОБЛЕМЫ
И СУЖДЕНИЯ

В ФОТОКЛУБАХ
СТРАНЫ

НОВЕЛЛЫ
ФОТООХОТНИКА

ПРОФИЛЬ
МАСТЕРА

ТЕХНИКА
ФОТОГРАФИИ

В ПОМОЩЬ
НАЧИНАЮЩИМ

СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ

- 1 В. ВИНОГРАДОВ.
ЧЕЛОВЕК,
ПРИРОДА,
ФОТОГРАФИЯ
- 2 В. ПЕСКОВ.
ОВЩИЙ
НАШ ДОМ —
ЗЕМЛЯ
- 12 О. ВОЛКОВ.
ЗЕМЛЯ-
КОРМИЛИЦА...
- 14 М. НАЧИНКИН.
НА СТРАЖЕ
ЧИСТОТЫ
- 18 М. ЛЕОНТЬЕВ.
МИР
ПРЕКРАСНЫЙ
И УДИВИТЕЛЬНЫЙ
- 20 М. ВОИНСТВЕНСКИЙ.
НЕ СОЗЕРЦАТЕЛЬ,
А ДРУГ!
- 21 А. НЕВСКИЙ.
ОХОТА
ВНЕ СЕЗОНА
- 23 МГНОВЕНИЕ
- 24 ТЕРПЕНИЕ,
ЗНАНИЕ
И ЛЮБОВЬ
- 26 Б. РЯВИНИН.
ПУСТЬ
ОТКЛИКНЕТСЯ
СЕРДЦЕ
- 32 В. ПЕТРОВ.
ВАЖНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ДЕЛО
- 33 М. ШТЕЙНБАХ.
ВИЗИТ ДЯТЛА
НОЧНОЙ
СОЛОВЕЙ
- 34 ТРЕВОЖНАЯ
ХРОНИКА
- 37 В. КИЧИН.
«ЭТОТ РЕЗКИЙ
ПРИЧУДЛИВЫЙ
РОСЧЕРК»...
- 42 А. ВАННИКОВ.
ЗОЛОТОЙ
ФОНД
НАУКИ
- 43 Ю. ЗАЛЕССКИЙ.
ПОДВОДНАЯ
ФОТООХОТА —
НОВЫЙ ВИД
СПОРТА
- 44 Д. СТАРОДУБ.
ПРАВИЛА
ОБРАЩЕНИЯ
С ОПТИКОЙ
- 44 С. АФАНАСЬЕВ.
РЕТУШЬ
ОТПЕЧАТКОВ
- 46 Н. КОЗАЧЕНКО.
В ТРАДИЦИЯХ
ПЕРЕДВИЖНИКОВ
- 47 ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...
- 48 «СЛУПСКИЙ
ПЛЕНЭР»

Рукописи и снимки
не возвращаются

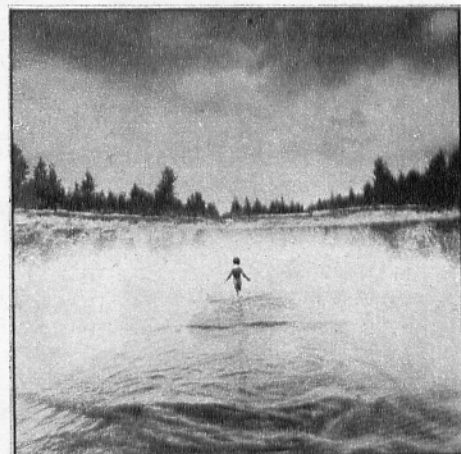
ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ФОТОГРАФИЯ

Человек преобразует землю. Меняется облик планеты. Но природа ранима, ее ресурсами нельзя пользоваться бездумно. Беречь ее, охранять, умножать ее богатства для грядущих поколений — долг человечества. Ленинские декреты, решения партийных съездов, Конституция нашей страны утверждают этот курс как государственную политику.

Недавно в СССР ратифицирована Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду. «Советский Союз делает все возможное для охраны природы, ее растительного и животного мира, минеральных ресурсов», — сказал в своей речи при подписании Конвенции товарищ Леонид Ильич Брежнев.

Дело фотографии — принять активное участие в наших заботах о планете. Не только восхищение красотой земли, но и борьба за ее сохранность, за то, чтобы бережное отношение к природе стало неотъемлемой потребностью человека — важнейшая социальная и гуманистическая миссия современной фотографии.

В. ВИНОГРАДОВ,
председатель президиума
Всероссийского общества
охраны природы,
академик ВАСХНИЛ

ОБЩИЙ НАШ ДОМ — ЗЕМЛЯ

Василий ПЕСКОВ

С помощью фотографии мы все недавно обнаружили, что Земля действительно шар. Я, помню, не смог всю ночь уснуть, когда впервые увидел снимок Земли из космоса. Я вдруг остро почувствовал, какой он маленький, хрупкий и до щемящей боли в сердце дорогой, этот голубоватый шар, наш общий дом — Земля. Я уверен, похожее чувство испытал каждый из нас. И еще раз отдадим должное фотографии: этот поворот в нашем новом ощущении мироздания, в ощущении места Земли в космосе и в ощущении места человека на Земле — поразительное дело! — смог сделать всего лишь один снимок. На мировоззрение людей он повлиял, возможно, сильнее, чем многие, вместе взятые философские труды.

Инопланетянину со взглядом из космоса, однако, трудно было бы судить по этому голубоватому шару обо всем, что видим мы, живущие на нем, что знаем обо всех его просторах, об уголках и закоулках, хотя большинство из нас не посещало ни Африку, ни Антарктиду, ни Камчатку, ни Амазонку. И опять поклон фотографии! Она помогла нам во всех подробностях увидеть лицо Земли, помогла проникнуть во многие отдаленные ее места, помогла понять и оценить красоту всего, что вмещает в себя слово жизнь.

Не будет ошибкой сказать: из всех инструментов, с какими люди исследуют Землю, фотокамера — наиважнейший. Причем одинаково доступный и космонавту, уточняющему с околоземной орбиты очертания материков, гор, ледников, рек и озер, и школьнику, выслеживающему с фотокамерой какую-нибудь козявку в травяных джунглях. Мало осталось профессий, где бы фотография не служила человеку-исследователю. И всюду фотокамера стала спутником простого любознательного человека. Фотография дополняет наши возможности видеть и является надежным, емким хранилищем всего, что очаровало, порадовало или огорчило в странствиях больших и малых, в непрерывном расширении наших представлений о жизни и мироздании.

Возможности фотографии безграничны. Она способна остановить летящего, подобно пуле, жука, показать, как растет трава, как распускаются цветы, обнаруживать невидимые глазу даже через стекло телескопа сверхдалекие звезды. Наука, особенно естественная, сегодня немыслима без фотографии. Но и каждый человек в отдельности, постигая радости бытия, приобщаясь к тайнам и красоте жизни, фотографии многим обязан. Запечатление природы, познание ее законов стало частью духовной жизни многих людей. Для меня, например, прогулка с фо-

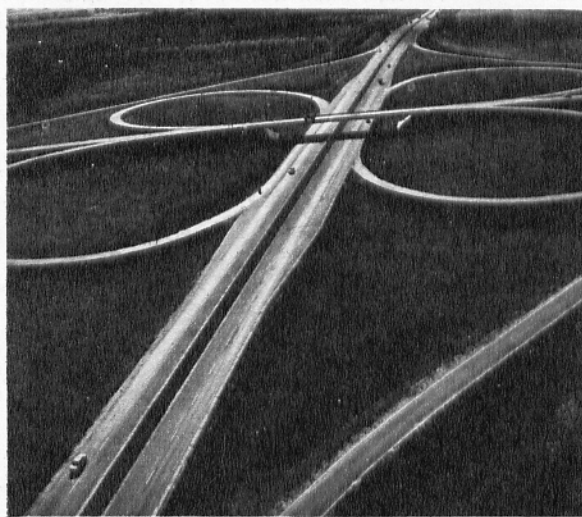
токамерой в подмосковном лесу предпочтительней чтения книги, посещения театра или кино. Фотографические результаты дальних и ближних походов, прогулок и экспедиций различны. Один привозит фотографии для домашнего альбома, у других снимки представляют общественный интерес, их публикуют газеты, журналы, мы видим их на телеэкранах. Удача особая, когда фотоснимок природы становится образом и волнует нас так же, как музыка, как стихи, как слово художника и живописные краски. Любой конструкции «ящик со стеклышком» способен совершить такое чудо. И если чудо случается все же нечасто, то это значит, что камера сама по себе — только инструмент, волшебство вершит человеческое сердце, поэтическое видение мира, хороший вкус. И это все надо в себе воспитывать. Но если снимок доставил радость всего лишь вашей семье, вашему другу, вам самому, заставив припомнить и вновь пережить странствия с камерой — это одно разве уже не прекрасно? Красоты и тайн у Земли хватит на все времена, для фотографов всех поколений при одном, однако, условии, что человек будет беречь этот голубой шар, этот корабль жизни, полный шорохов, криков, музыки, запахов, красок. И роль фотографии в общечеловеческой службе охраны природы очень значительна. То, что мы любим и хорошо знаем, мы лучше и бережем. Таким образом, каждый фотограф в меру сил и возможностей способен воспитывать у людей и любовь к природе, и ответственность за нее. Но в это же время фотограф может (и должен!), как на пожаре в деревне, «бить в рельсу», документально сигнализируя обо всем, что наносит раны природе. Руководством в этих заботах должна быть простая, но очень серьезная мысль: «Земля у нас только одна». Замечательный этот корабль должен остаться пригодным для радостного путешествия на нем и для нас, и для всех, кто идет вслед за нами. Несколько дней назад мой четырехлетний внук принес в ладошках из сада жабу: «Дедушка, давай сфотографируем. Посмотри, какая она красивая!» Я был растроган этим чистым восприятием мира ребенком и подумал: у природы нет пасынков. Олень, орел, лягушка, комар и ничтожная, с точки зрения человека, тля — все одинаково любимые дети природы и все это вместе с водой, воздухом и землей образует великолепную ткань жизни, возможно, единственную во всей Вселенной. Мы же, являясь частью сложного этого мира, можем его наблюдать, открывать, радоваться ему, а «ящичек со стеклянными глазами» поможет нам делиться этой радостью и с другими.

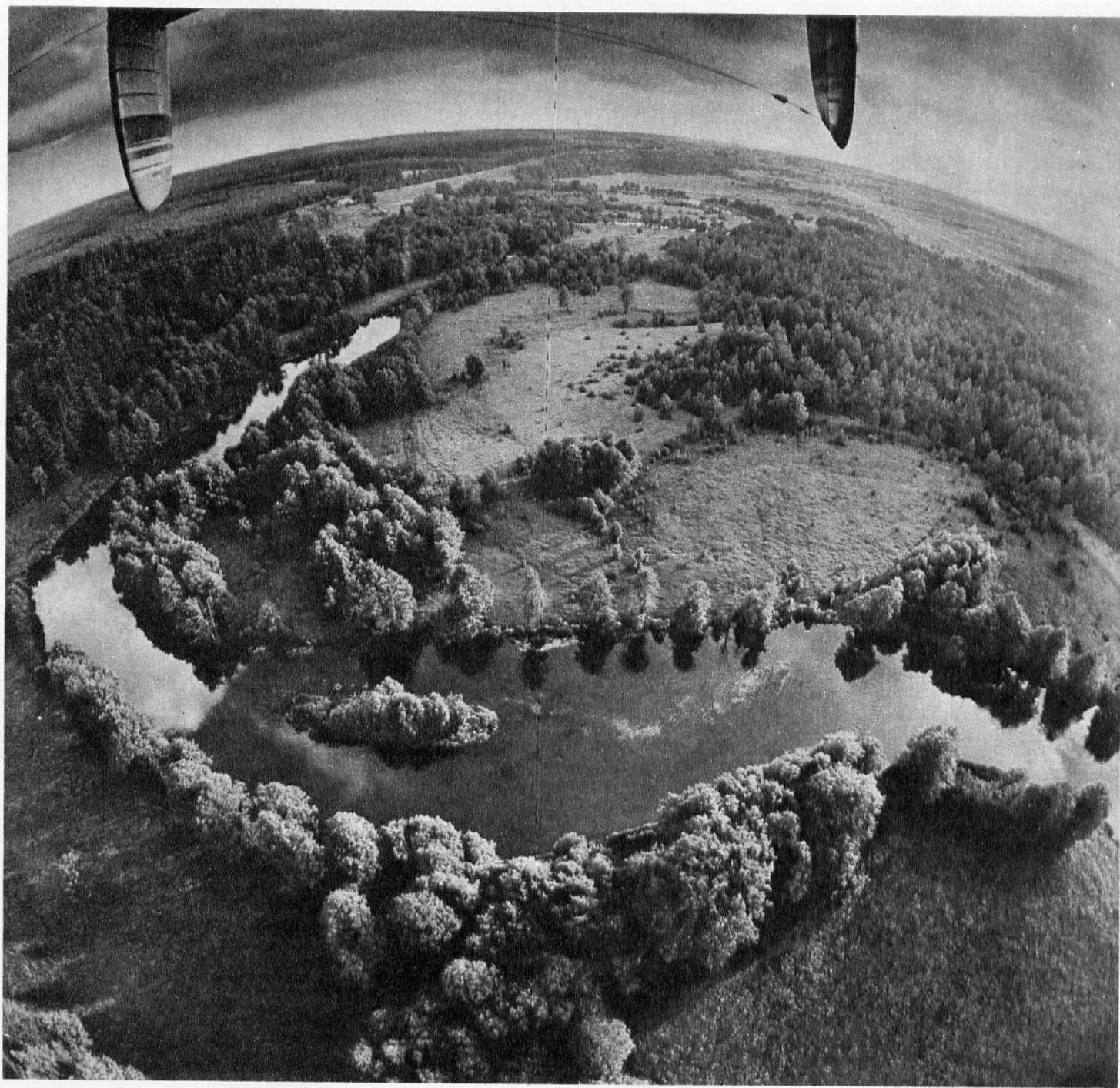

*Всю жизнь человек
открывает для себя Землю.
И главные наши
открытия — ранние,
когда по земле
мы ходим босыми...*

В. МИХАЙЛОВСКИЙ
Восприятие

А. СУТКУС
Дороги...

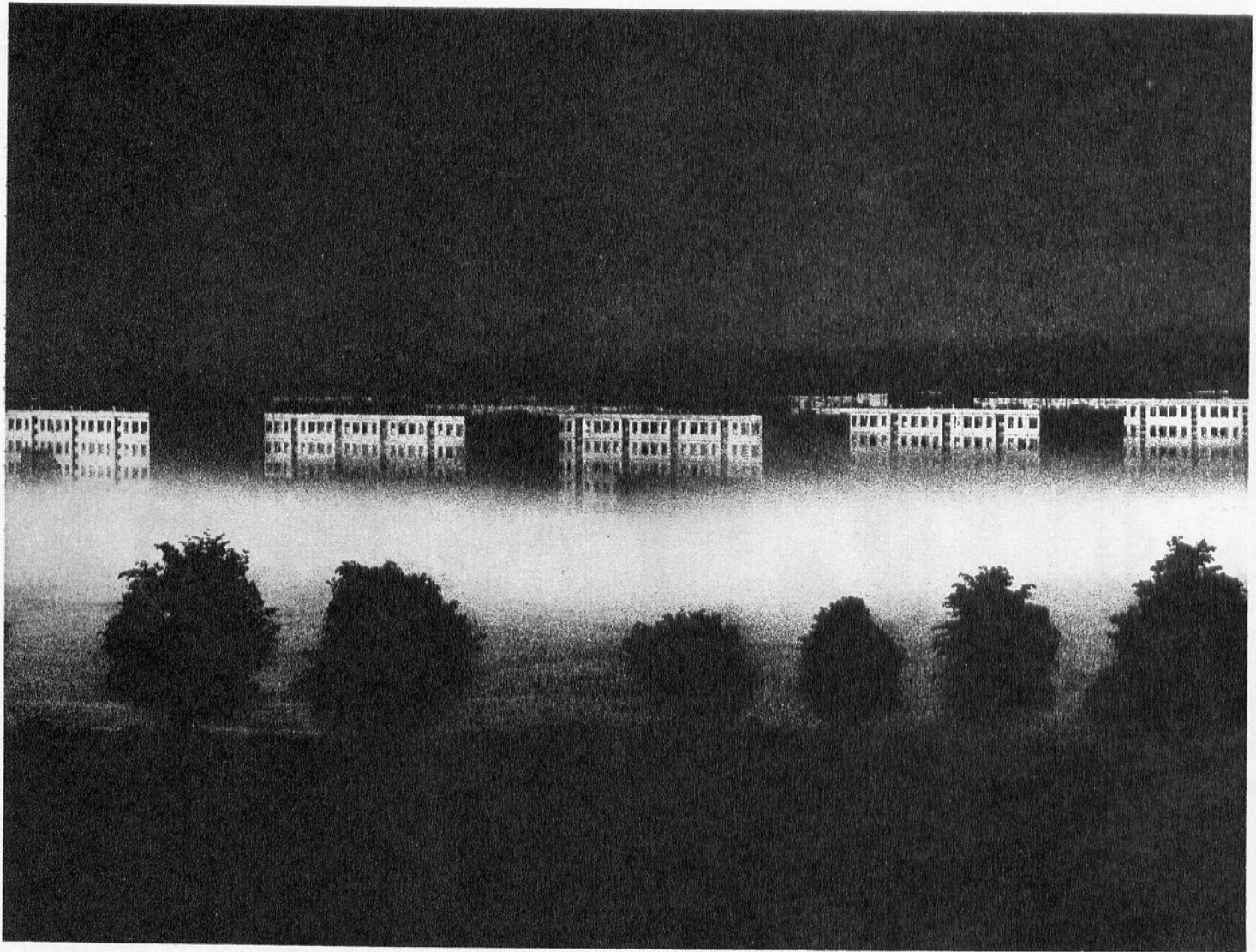
*В минуту, когда вы устали,
закройте глаза,
представьте поляну в лесу,
тихую воду речки,
шорохи дикой жизни,
и вы почувствуете
живительную силу
этих картинок природы...*

А. СУТКУС
Моя земля

И. КАЛЬВЯЛИС
Лесная сказка

Д. ДЕБАВОВ
Сплетники

З. ВУЛГАКОВ
Город

С. ПАНИН
Околица

*Каждый из нас немножко поэт.
Сердце наше волнует
туман над водой,
первые признаки ледохода,
старое дерево,
пережившее многих,
и эта доверчивость...*

Ю. МУРАВИН
Нетерпение

В. МИХАЙЛОВ
Плечо друга

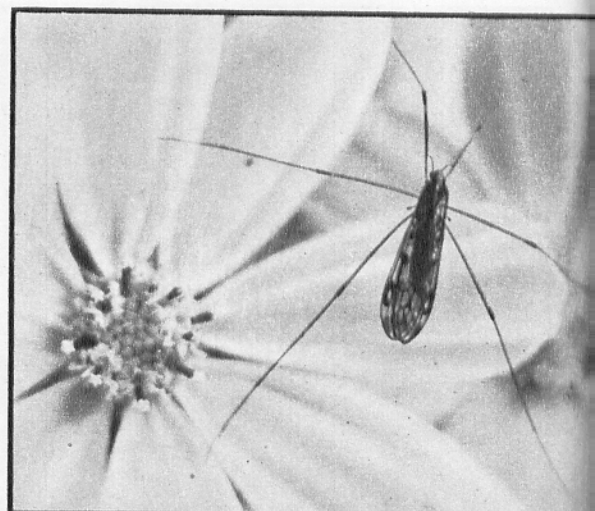
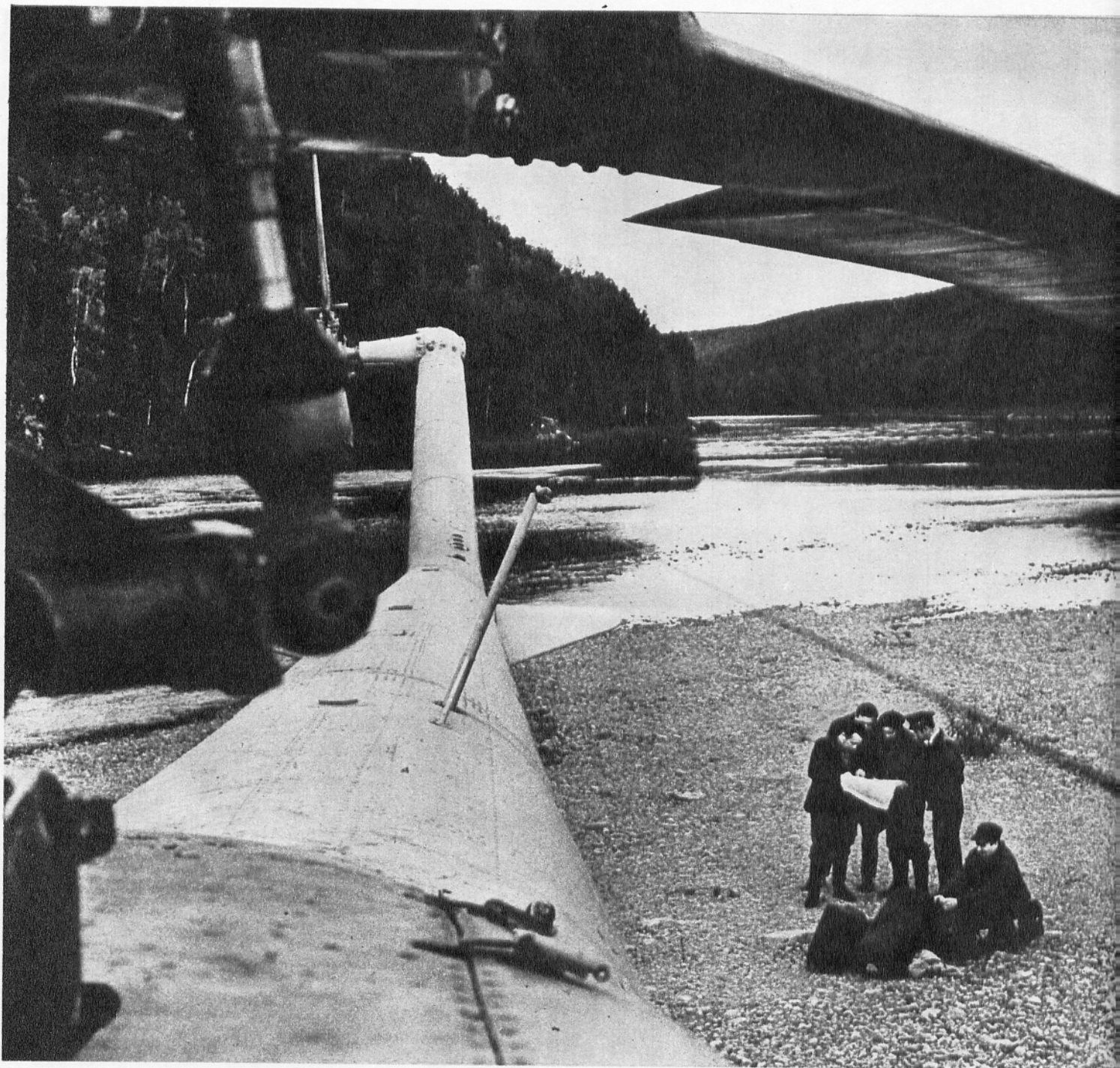
Для счастья человеку
надо немало.
Но иногда он счастлив
уже оттого, что увидел
возле дороги цветок...

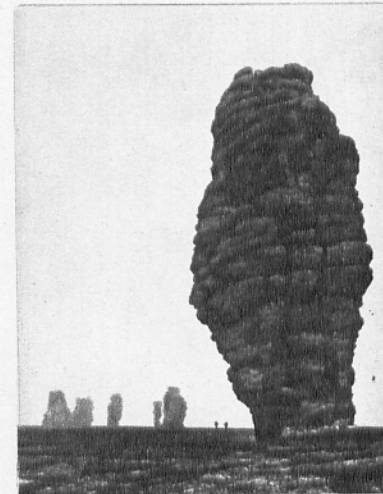
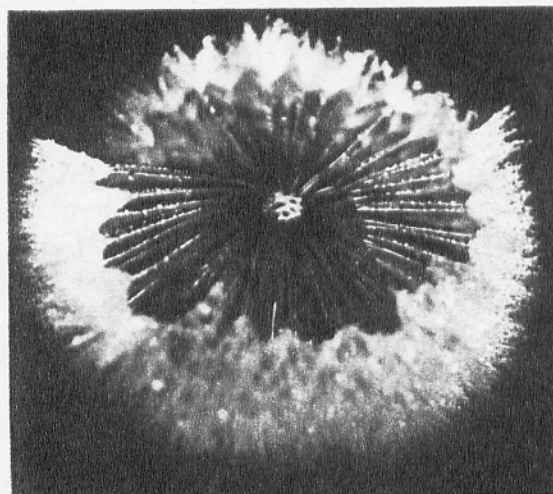
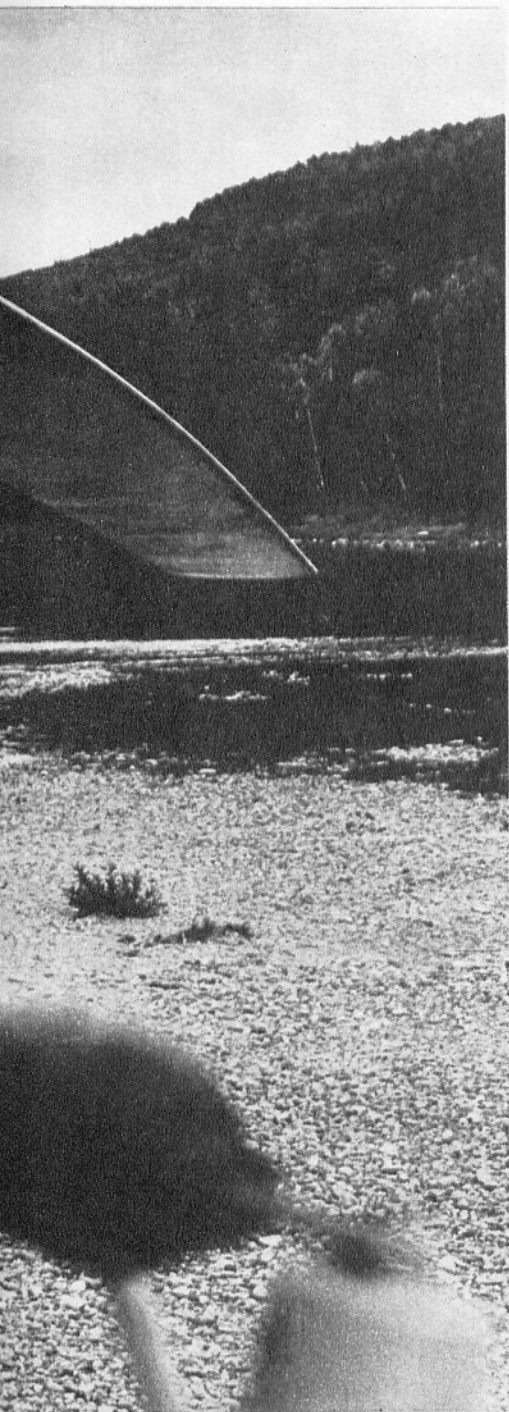

Р. РАКАУСКАС
Пора цветения

Ю. МУРАВИН
Хлеб

Н. НЕМНОНОВ
Трио

*Много открыто.
Но разве убавилось
тайн на Земле?
Разве измерена глазами
вся ее красота?
Разве мало еще загадок
предстоит разгадать? ..*

А. ХРУПОВ
Геологи на Енисее

Ю. БАГРЯНСКИЙ
Тишина

В. СЕДОВ
Комарик
И. ТУНКЕЛЬ
Господин
Великий Новгород

В. СЕДОВ
Одуванчик

М. НАЧИНКИН
Веселый ливень

В. ЛАГРАНЖ
Мой друг Яшка

Д. ДЕБАВОВ
Приполярный Урал

В. АХЛОМОВ
Богатыри

ЗЕМЛЯ-КОРМИЛИЦА...

Олег
ВОЛКОВ

Человек, доверивший земле самое драгоценное свое достояние — хлебное зерно, с уверенностью, что она вернет сторицей, — сделавшийся землепашцем, стал одновременно и любимым сыном природы, научившимся безболезненно для нее приумножать даруемые ею урожаи. В этом как бы магистральная дорога деятельности человека в природе: не брать у нее больше того, что она может родить, не истощаясь, оставаясь плодоносной и полной сил для продолжения жизни. Отдавать ей свои силы и труд, внимание и добрые чувства, получая взамен необходимое для жизни. В возделанной земле, тучных пастбищах, цветущих садах видятся мне залогов благополучия людей на земле.

Однако опыт и наука уже давно открыли человеку, что в окружающей природе нет выпадающих, автономных элементов: они все взаимосвязаны, все взаимосвязаны. Поле требует защиты леса, источники воды — тени, плодовые деревья — опылителей. Жизнь долины зависит от растительного покрова гор, и шире — преемственность и непрерывность жизни на земле немыслимы без обеспеченного лесного возобновления, без сохранности тундры на Севере, тропических джунглей, вековых древостоев в горных ущельях, обширных болот в низинах. Таким образом, чтобы труды человека не были напрасными, свое доброе отношение к распаханной земле он должен распространить на всю окружающую природу: и гривка деревьев на вершине холма, и заросли кустов, прикрывающих водоток, и одевшая песчаный склон трава заслуживают его любовных забот наравне с засеянным полем...

Р. РАКАУСКАС
Хлеб

А. ПОЛЯКОВ
В долине

НА СТРАЖЕ ЧИСТОТЫ

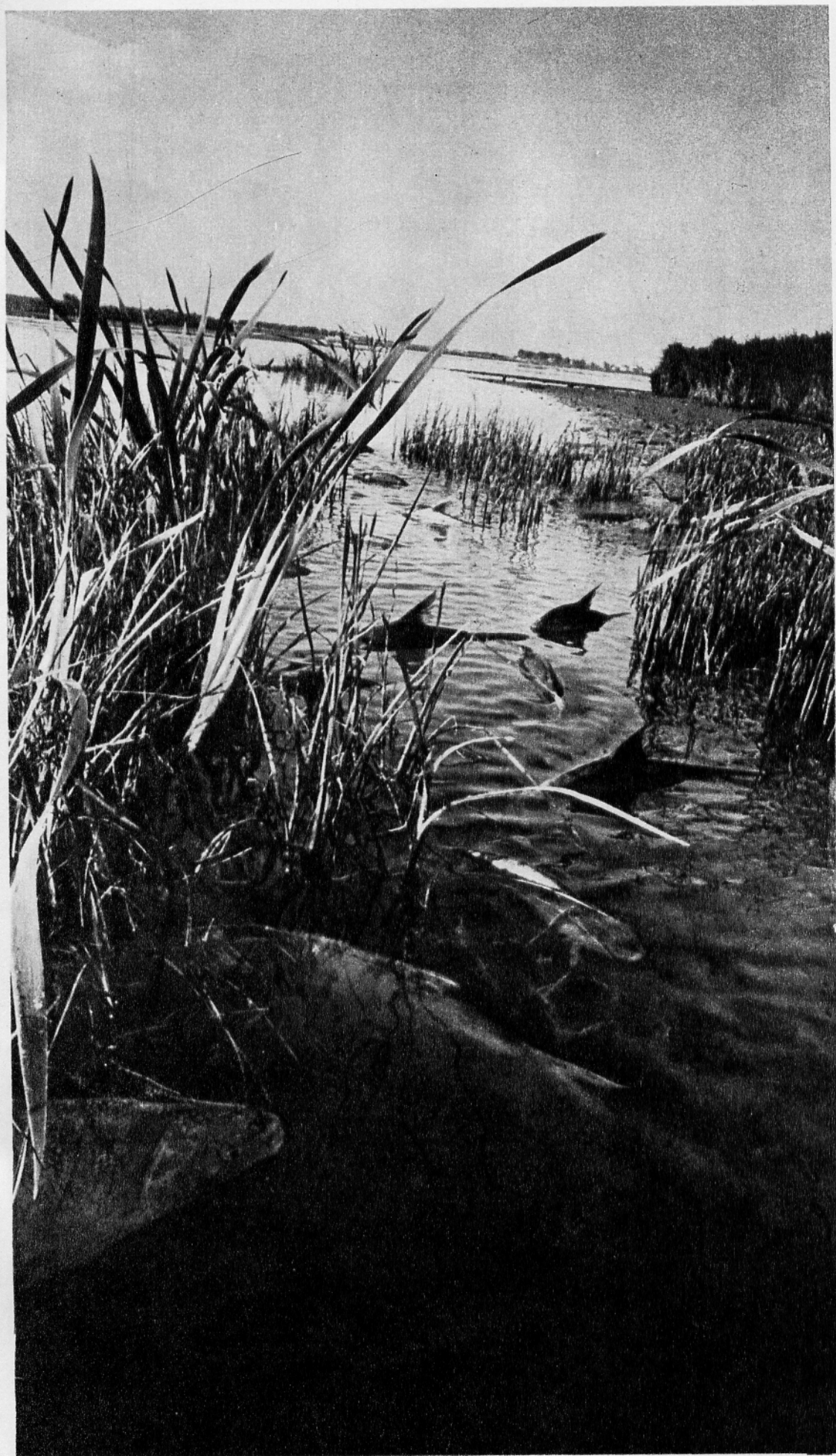
Май НАЧИНКИН

Иногда коллеги и друзья меня спрашивают, почему я взялся за тему защиты природы. Ведь моя страсть — экспедиции, первопроходцы, борьба людей с пожарами и наводнениями... Вообще все те события, где человек лицом к лицу встречается с суровыми явлениями бытия. Думается, обращение к новой теме было подготовлено уже тем, что отдых свой я обыкновенно провожу на природе, большей частью где-нибудь в лесной глуши, у небольшой речки или тихого озера. Я убежден, что общение с природой совершенно необходимо человеку. Ко всему этому я привык, так сказать, чисто по-житейски и, в общем-то, не видел особой необходимости доказывать кому-то средствами моей профессии такие очевидные истины. Но год от года активность человека в подчинении себе природы начала приобретать такой характер, что стала беспокоить меня лично — просто как рядового обитателя планеты, желающего оставить на ней кое-что и для своих детей и внуков. И как журналист я тоже не мог, разумеется, оставаться спокойным, читая тревожные сообщения в мировой прессе.

К счастью, в нашей стране вопрос о загрязнении воды и воздуха до такой степени не обострен: бдительность санитарно-эпидемиологических служб городов и сельских районов, технический надзор за продуктами вредных производств, вмешательство биологов в процессы взаимоотношений человека и природы не могут не оказывать своего благотворного влияния на всю нашу жизнь.

Тем не менее сегодня никто не может оставаться в стороне от этой важной проблемы. Так я пришел к серии фотоочерков и репортажей, посвященных теме «Человек и природа».

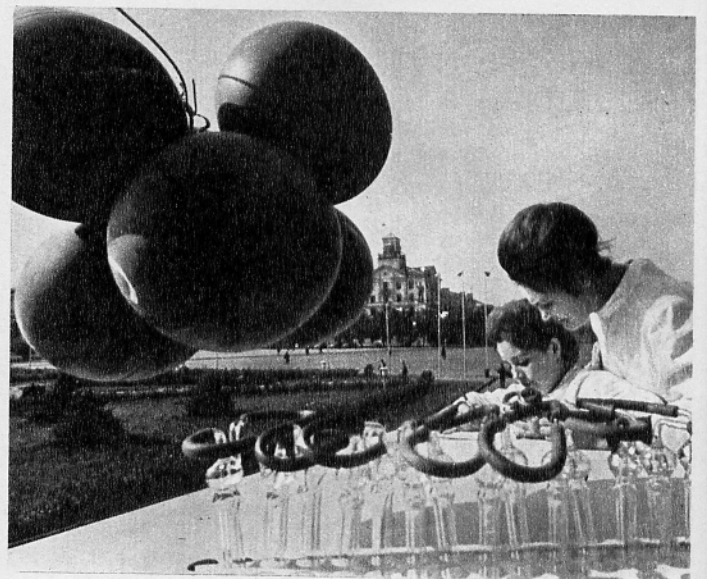
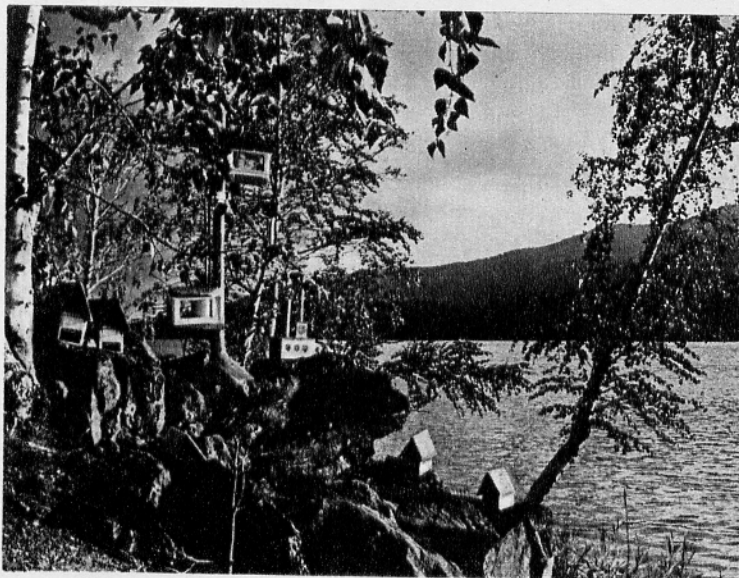
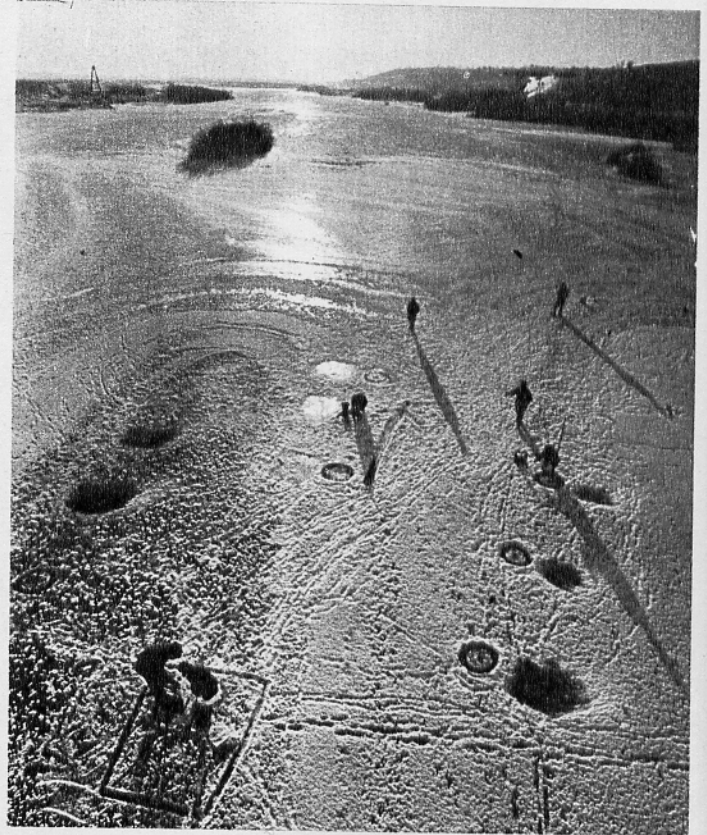
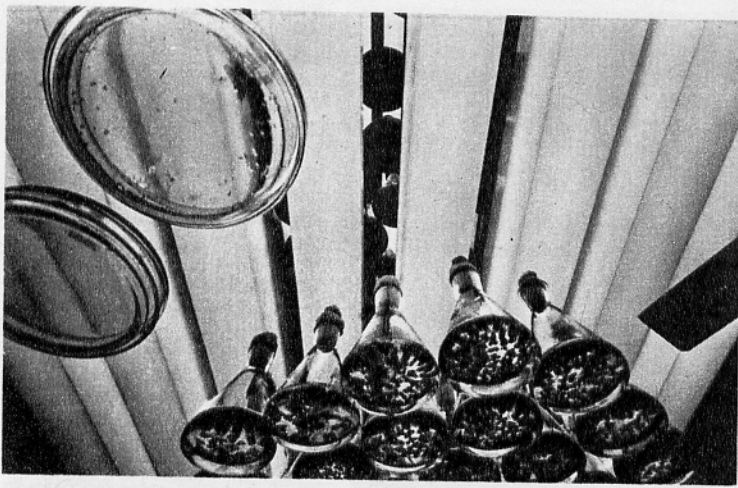
Тема такой значимости требует серьезной подготовки. «Вживание» в материал длится обычно две-три недели: читаю литературу, встречаюсь со специалистами, работающими в данном направлении, выстраиваю в своем воображении, а подчас и на бумаге определенный зрительный ряд, который, на мой взгляд, способен раскрыть тему с максимальной полнотой. На месте съемки чаще всего выясняется, что придуманное ранее нуждается в коррективах. Но работа не пропадает даром: внутренне я уже готов к съемке и более уверенно рисую себе зрительный ряд, осмысливаю новую информацию, делаю первые кадры...

Тематическое задание: «Город и биосфера». Адрес: Киев. «Консультант» — Академия наук УССР. Начинаю с беседы в одной из лабораторий Ботанического сада АН УССР с известным советским биологом профессором А. Гродзинским. — Человек, — рассказывает он, — обладает удивительным качеством — приспособляемостью. Он может приучить себя к жизни среди обезображенного промышленными предприятиями ландшафта, может привыкнуть к дымному небу, грязной реке, к траве, покрытой копотью. Он может жить без пения птиц, без аромата цветов, без всех этих чарующих подробностей природы. Однако эта приспособляемость имеет границы. Именно способность человека «притереться» к неблагоприятным условиям таит в себе грозную опасность. В конце концов она приводит к обеднению жизни, постепенной утрате многих качеств, которые мы отождествляем с человечностью, к ослаблению физического и морального здоровья...

Я слушаю профессора и чувствую, что мои планы и разработки рушатся. Локальный репортаж из лаборатории не годится — тут нужны образные решения, своего рода символы. Так и был построен материал «Город и биосфера» — на крупноплановых снимках, подкрепленных отдельными рабочими моментами, раскрывающими повседневный

Работает санэпидслужба

Нерест

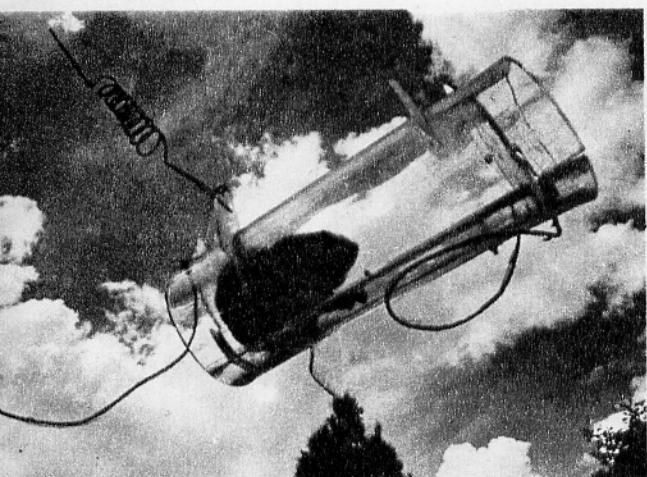

Фото
Мая
НАЧИНКИНА

Будущий
сад

В центре
Киева

Эксперимент

Рукотворные
нерестилища

Чем дышит
река?

Пробы
воздуха

Контроль
за солнечной
радиацией

Оранжерея

Кольцевая
очистная
система

труд биологов, инженеров, социологов. Киев — один из самых зеленых городов Европы; снимаю новый жилой массив, буквально затопленный разливом растительности. Другой кадр: сверкающий в ночи огромный купол оранжереи Ботанического сада — здесь подбирают растения, наиболее активно защищающие город...

По-иному складывалась работа над репортажем о реках Ярославщины. Шел нерест, и всякая ловля рыбы была категорически запрещена, как и езда на моторных лодках. Стояли теплые тихие дни, на мелководье плескалась рыба, а по берегам бродили в тоске заядлые рыболовы. Вместе со специальным корреспондентом И. Цыгановым я выполнял задание редакции журнала «Советский Союз» — нам было поручено рассказать о рыбнадзоре. Задача на первый взгляд простая, но как все-таки все это «изобразить»? Больше двух недель мы проплавали на катере «Баклан» — флагмане рыбнадзора, осмотрели несколько искусственных нерестилищ, задержали две моторки с браконьерами, снимали, как берут пробу воды, как метят леща, проверяли на герметичность нефтеналивные суда... Я снимал и чувствовал, что все это только «гарнир» к теме. Что-то главное явно не нащупывалось.

— С чего мы все-таки начнем наш очерк? — приставал я к Цыганову. — Не знаю, вот вернемся в Москву, посмотрим снимки и сообразим...

«А если не хватит какого-нибудь «запевочного» кадра, — думал я. — Тогда что? Время-то упустил...» Но вот однажды мы бросили якорь где-то недалеко от Костромы. Обрамленный густым лесом залив реки переливался всеми цветами радуги: у пирсов на приколе покачивались сотни моторных лодок, принадлежащих рыбакам-любителям, — синие, красные, желтые, зеленые, серебристые, черные, белые... И тут-то родилась основная монтажная идея: я вспомнил, как нерестится лещ, и решил начать свой фоторассказ, столкнув два кадра: рыбы навалом, а моторки на приколе! Лодки снял тут же, а вот за лещом пришлось поохотиться больше трех суток. Найденный изобразительный ход подсказал моему товарищу-очеркисту и ход текстовой. Он назвал ма-

териал «Месяц без рыбалки», обыграв и в тексте эти два кадра.

И еще один пример подхода к теме, к ее решению.

Репортаж делался в до-нецком городе Краматорске, и было в моем распоряжении только четыре дня. Суть же темы такова. Исполком горсовета предъявил через суд иск московскому институту, спроектировавшему дрожжевой завод. Как выяснилось, проектанты не учли специфику очистных сооружений для этого объекта, вследствие чего река Торец была загрязнена дикой дрожжевой клеткой. Под угрозой оказалось водоснабжение города. Исполком вынес решение — закрыть завод, а все расходы, связанные с простоем предприятия, отнести за счет института. Тема для меня была ясна. Вместе с журналистом В. Холдковым мы присутствовали на всех заседаниях, выезжали с инспекторами санэпидстанции и следователем, слушали людей, фотографировали их. И только в Москве вместе с главным художником журнала «Советский Союз» А. Житомирским развинули тему уже на полосах, сохранив ту последовательность, в которой развивались события в Краматорске. Получился репортаж, так сказать, в чистом виде; бесхитростность такого хода, на наш взгляд, как нельзя лучше передавала «хронику» события, его динамику, его накал и нравственную суть.

Тема защиты природы интересна для меня и чисто фотографически. Зачастую, приезжая на место работы, не обнаруживаешь никаких видимых «зацепок» для кадров, каждый приходится «изобретать», создавая обобщенный образ события или явления. Обычно это дается мне очень трудно, требует огромной организационной работы. Но я всегда удовлетворен, если удастся найти оригинальное решение, позволяющее обратиться не только к разуму читателя, но и — это очень важно — к сфере эмоциональной. Ведь главное, как мне кажется, не просто воззвать к совести человека, вызвать у него возмущение варварскими поступками того или иного губителя красоты природы, а приобщить каждого к самым активным действиям в ее защиту.

МИР ПРЕКРАСНЫЙ И УДИВИТЕЛЬНЫЙ

Персональная выставка Вильгельма Михайловского в московском Доме дружбы с народами зарубежных стран имела девиз «Этот мир — прекрасный и удивительный». Девиз, надо сказать, очень точно отражал творческое кредо автора; его экспозиция явила собой гармоничный синтез прекрасного и удивительного — того, что каждодневно встречается нам, но замечается не всеми. Фотохудожник из Риги обладает этим даром — увидеть значительное, символическое. Compliment вроде бы «заезженный». Но здесь суть творчества фотографа. Если обыденное и интересует Михайловского, то лишь тогда, когда оно вдруг поворачивается к нему, художнику, той неожиданной стороной, которая раскрывает суть, смысл многих-многих таких же и других обыденных явлений. Михайловский — своеобразный мастер. Его фотографическая манера, художнический почерк, композиционный стиль — особенные, ярко индивидуальные. Темы общения человека с окружающей средой, защиты природы, любви к родному краю занимают существенное место в творчестве фотохудожника, раз-

рабатываются им с завидной последовательностью и целеустремленностью. Собственно говоря, в широком смысле почти все творчество рижского мастера лежит в русле темы «Человек и природа». Даже те его работы, где человек находится в процессе самосозерцания, самопознания, нередко отмечены печатью присутствия природы. Удивительным образом сочетаются у него непосредственное, близкое к детскому восприятие природы с восприятием ассоциативно-философским, метафоричным.

Впрочем, и в простых по сюжетам его работах (девочка, входящая в воду, — снимок открывает этот номер) при внимательном рассмотрении проглядывается второй пласт авторского замысла. Перед нами уже не только бытовая сценка, но и рассказ о неотрывности человека от природы, об их необходимости друг другу.

Удивительный снимок Михайловского: тень человека рядом с пробивающимся сквозь доски забора цветущим деревцем. Прямой контакт человека и природы. Как будто присутствуешь при разговоре между ними. И то, что это тень самого фотохудожника, вдвойне символично. Вдумайтесь: Михайловский зафиксировал свой собственный диалог с одним из представителей окружающей среды.

Есть у Михайловского и фотографии-обличения, почти плакаты, вызывающие к нашему разуму и нашему сердцу. Свалка на опушке девственного леса, над которой вьются птицы, загрязненные воды реки... Отношение фотомастера к природе далеко от пассивной созерцательности.

Трудно представить себе работы Михайловского перенесенными из времени сегодняшнего, из века технического прогресса и обостренного внимания к окружающей среде — в другое время. Снимки рижского мастера злободневны по теме и современны по изобразительному решению. А этого очень трудно достичь, работая в жанрах нерепортажной фотографии — пейзажа, этюда. Лес, небо, облака, вода — как передать через них время? Михайловский сумел. Этим он и интересен.

М. ЛЕОНТЬЕВ

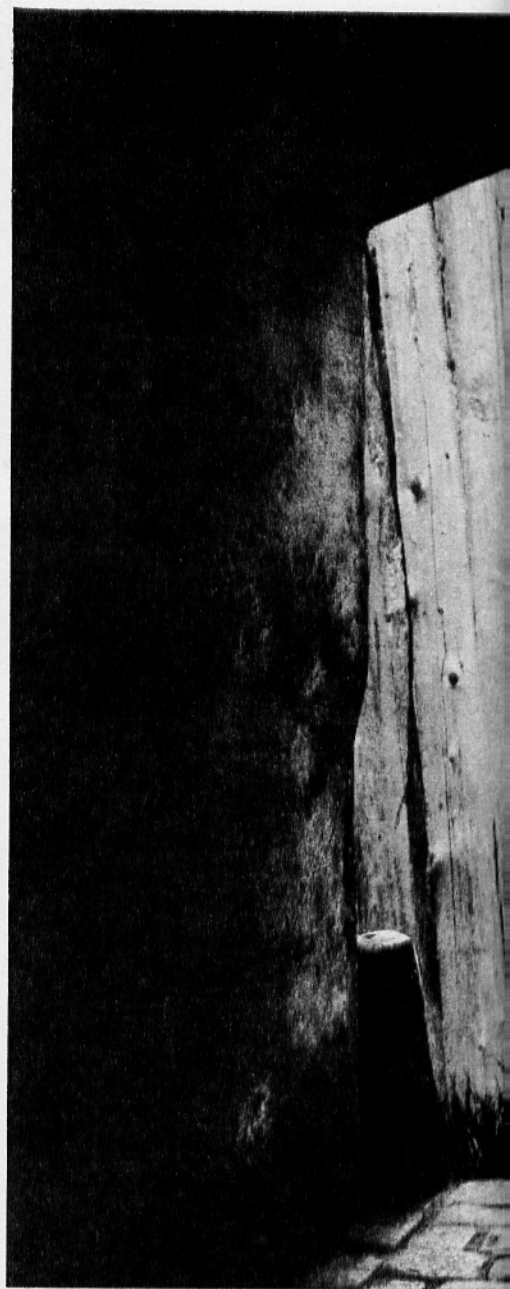
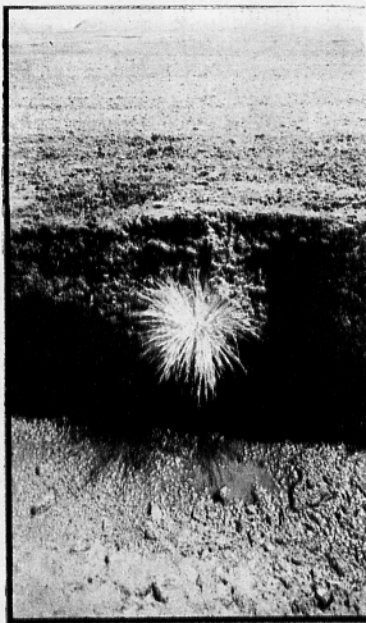
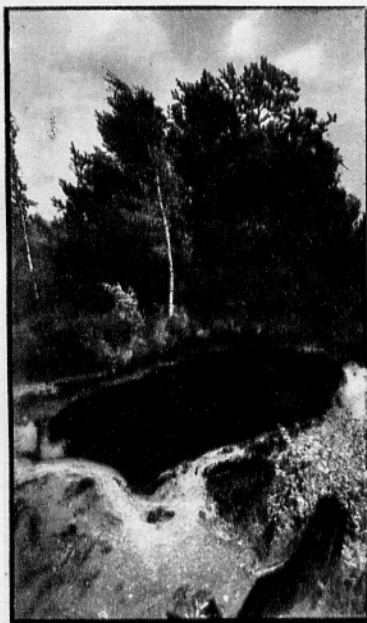

Фото
Вильгельма
МИХАЙЛОВСКОГО

Диалог

Из серии
«Возрождение»

НЕ СОЗЕРЦАТЕЛЬ, А ДРУГ!

Михаил ВОИНСТВЕНСКИЙ,
председатель Украинского
общества охраны природы,
доктор биологических
наук, профессор

Статьей И. Мухина «Бескровен ли «фотовыстрел»?» мы начали в № 4 нашего журнала разговор об этике фотоохоты. В редакцию поступают отклики на эту статью. Предлагаем вашему вниманию письмо М. Воинственского, который ставит вопрос об активности фотографии в деле защиты природы, а также рассказ нашего корреспондента А. Невского о Ленинградском клубе фотоохотников.

Проблема охраны окружающей среды стала сегодня одной из самых острых и актуальных. Точнее, речь идет о целом комплексе важнейших проблем. Нарастающие масштабы использования и, как следствие, истощение природных запасов. Загрязнение внешней среды промышленными и бытовыми отходами. Охрана редких и исчезающих видов растений и животных. Сохранение естественных ландшафтов, создание заповедников, заказников. Борьба с браконьерством. Таковы лишь некоторые из этих проблем.

Их решение может быть успешным только при участии самых широких слоев населения как в конкретной работе по охране природы (лесопосадка, борьба с эрозией и т. д.), так и в важном деле пропаганды умного, рационального, умелого использования ее богатств.

Народные дружины, общественные инспекции, клубы, народные университеты «Природа» — вот далеко не полный перечень тех форм общественной работы в области охраны окружающей среды, которые успешно практикуются в нашей стране.

В деятельности любителей и защитников природы огромную роль может сыграть фотокамера — объективный свидетель и регистратор фактов. Что может быть убедительнее фотодокументации?

Группа студентов-биологов одного из педагогических институтов Украины каждую весну предпринимает путешествие на байдарках по многочисленным малым рекам республики. Это не просто туристское турне. Конфискованные и уничтоженные браконьерские орудия лова, десятки проведенных бесед и лекций, а главное — подробные маршрутные дневники, куда заносятся сведения о состоянии реки и ее берегов, — таковы итоги путешествий. Студенты привозят с собой сотни фотодокументов, запечатлевших живописные луга и пойменные рожи, птиц, зверей, насекомых, луговые цветы — все, что радует взор и что мы привыкли объединять коротким, но близким каждому словом «природа».

Но это, так сказать, фотодокументы со знаком плюс.

Привозят студенты и иные снимки. Самосвал у кромки воды вываливает в реку горы строительного мусора. Свиноферма, из которой в реку стекает навозная жижа. Водитель моет автомашину на мелководье у берега, и по поверхности воды ползут масляные пятна. Распаханное поле до самого уреза воды и голые берега — ни дерева, ни кустика, одни пеньки. А вот стыдливо отворачивается от камеры матерый браконьер, пойманный с поличным возле расставленной ночью сети. Отметим,

кстати, что «портретная съемка» всевозможных нарушителей, от рыбаков-браконьеров и любителей стрелять зайцев, косуль, сайгаков и другую живность, ослепляя их фарами автомашины (иногда даже не своей, а государственной, служебной), до директоров и инженеров предприятий, по чьей нерадивости реки, озера, атмосферный воздух засоряются ядовитыми дымами, копотью и прочими отходами, — такая «портретная съемка» очень эффективный, не раз проверенный способ воздействия на нарушителей законов об охране окружающей среды! Особенно если эти фотографии, с соответствующими комментариями, появляются в «окнах сатиры» под рубрикой «губители природы».

Выйдите в мартовский выходной день в пригородный лес. Там и тут раздаются громкие стуки и скрежет. Это не лесорубы работают, а «тихие вредители». Рубят, режут, сверлят белые стволы берез, чтобы добыть несколько глотков свежего сока. Потом уходят, оставив на коре деревьев рваные, истекающие соком раны.

Попробовал одного из таких «любителей даров леса» пристыдить, урезонить — ничего не вышло. Но когда нацелил на него фотокамеру — закрылся шапкой, бросил банку и топорик и, как заяц, стреканул в чащу.

Значит, действует, значит, можно с успехом применять этот способ и против любителей рубить елки в декабрьском лесу, жечь костры, оставлять консервные банки, бумажки, битые бутылки и прочие «дорожные отметины» современных вандалов.

Пышные «лисы хвосты» дымящих труб, грязные и заиленные водоемы, срубленные кусты и деревца, мчащаяся по узкой речке моторная лодка, буквально выплескивающая на берег все живое и неживое, — все эти сюжеты необходимо снимать, чтобы они могли быть использованы как улики, доказательства больших и малых преступлений против родной природы!

Но немало вреда может нанести природе и неумелый фотолюбитель — об этом хорошо и подробно рассказано в статье «Бескровен ли «фотовыстрел»?», напечатанной в «Советском фото». Хотелось бы только дополнить ее вот каким замечанием. Фотоохота требует, как известно, специального снаряжения, без которого она действительно небезопасна для зверей и птиц. Нужно, например, фоторужье, чтобы издали и незаметно фотографировать всякую живность. Нужно оно, кстати, и для съемки «правонарушителей», которые, как известно, не станут ждать, пока вы к ним приблизитесь на павильонное, портретное расстояние.

К сожалению, фоторужья выпускает только Красногорский механический завод. Они дороги и доступны лишь немногим. Кроме того, конструкция приклада в них не совсем удачна. Несмотря на это, завод уже много лет упорно ее придерживается, не желая прислушиваться к интересным и перспективным предложениям опытных фотографов.

Такие предложения о создании недорогого «рабочего» фоторужья, доступного всем, были сделаны, например, на страницах «Советского фото» старейшими нашими фотолюбителями, знатоками природы — братьями Г. и А. Артюховыми. Но «воз и ныне там».

В умелых руках фотография может стать, я убежден, не только средством пассивного «созерцания» красот окружающего нас живого мира, но настоящим другом и защитником природы.

В ФОТОКЛУБАХ
СТРАНЫ

ОХОТА ВНЕ СЕЗОНА

Александр НЕВСКИЙ

ПУЩЕ НЕВОЛИ...

На фотоохоте, как и на всякой другой охоте, случается много всего непредвиденного — веселого, курьезного, а иногда и трагического (в Африке разъяренный слон сбил однажды фотографа с ног и буквально втоптал его в землю). И хотя такое происходит редко, все же охота с фото- и кинокамерой — дело нелегкое, весьма хлопотное, а порой и опасное.

В воскресные дни Иван Степанович собрался было «поснимать весну» — есть у Ладоги заветное местечко, — но тут позвонил старый друг, егерь, и сделал заманчивое предложение: приезжай, мол, Степаныч, волчье логово обкладывай... Тут у нас один серый вовсе обнаглел, лосей стал задирасть...

Болотин с полночи не сомкнул глаз — амуницию готовил, фотоаппаратуру, в глубине души молил бога о солнечном дне. Однако погода не оправдала его надежд. С утра, как он втиснулся в заспанную электричку, повалил снег — света белого не видать. Думал, что хоть к обеду распогодится, но не повезло. Приехав на место, включившись во флажкование, он досадовал на серую мрачность леса — чернотроп и то занесло. В прежние времена Иван Степанович обрадовался бы одному тому факту, что он идет на волка — любой охотник за такой случай, как говорят, полжизни бы отдал. А сейчас для Болотина, заядлого опытного охотника, этого было мало — ревниво напоминала о себе сумка с фотоаппаратурой. В голове одна мысль: неужто поснимать не удастся? Лес-то больно темнел, снег валит...

В последние годы Ивана Степановича Болотина все больше стала обуревать страсть к фотоохоте. Он жалел, что раньше, когда в лесах зверя было погуще, не знал с фотоаппаратом. Вернее, снимать он начал давно — штатным фотокором работал, — но тянуло тогда его больше к портретам и жанровым сценкам. Думал, что охота с фоторужьем — дело несерьезное, даже сентиментальное. А вот лет десять назад заболел он этой страстью — повлияла на него фотовыставка в Гостином дворе. Увидел и удивился: я-то куда смотрел! На охоте и не такие сюжеты наблюдал!..

В первый раз Болотин, идя на охоту, рядом с ружьем на плечо повесил фотоаппарат. Повезло! Удалось заснять милую сценку с двумя лисятами, вылезшими самовольно из норки в поисках матери.

С этими снимками он пришел в Ленинградский клуб фотоохотников при областном Обществе охотников и рыболовов. Сколько раз в спешке проходил мимо, чуть высокомерно поглядывая на этих странных фотолюбителей, снимающих давно снятых-переснятых зверьков, а тут сам пришел к ним на поклон.

Знал ли он в ту пору, как увлечет его, затянет в свои силки фотоохота? Знал ли, чувствовал, что это дело вскоре станет для него не просто увлечением, а чем-то большим, частью его жизни?

— Трудно передать охотничью радость. Сутками, не спавши, гоняешься за зайцем, пока не поймаешь его на мушку. А потом что? Вот он лежит, распластавшись на земле, остывающий комочек. А тебя берет за сердце странная обида: зачем мне это? Убил, а толку? Такие мысли, наверное, приходят с возрастом, — рассказывает Болотин, ныне председатель Ленинградского клуба фотоохотников. — И нет уже той радости... Потому, должно быть, я и взял в руки фоторужье, чтоб сохранить радость, понимаешь?

Радость общения с живой природой. Общение дружеское, бескорыстное. Не случайно клубы фотоохотников стали притягивать все больше людей. Говорят, что в простой охоте можно убить только одного зайца, а в «бескровной» — двух: та же страсть, слежка, погоня плюс повышение фотографического мастерства. Фотоохота требует, кроме всего прочего, равнодушного сердца. Это, считает

Волотин, основное. Правда, кое-кто говорит, что одно другому не мешает, можно, мол, сочетать охоту со съемками. Иван Степанович с этим мнением не соглашается.

— Я лично не понимаю, как можно снять животное, а потом его убить. Даришь ему вечность и тут же отнимаешь ее вместе с жизнью.

Сколько было счастливых мгновений, о которых теперь приходится вспоминать с грустью: не удалось снять!

Медведь переплывает реку вместе с медвежонком...

Рысь напала на здорового лоса...

Столкновение лоб в лоб с волком, волочившим по траве зарезанного барашка...

Повторится ли такое? Придет ли вновь благословенное для фотографа мгновение? Без веры в него фотограф вряд ли пошел бы в лес, стал бы по десять часов знобивыми ночами просиживать в укрытии, чтобы сделать снимок барсука или совы и не дай бог вспугнуть!

Каждую субботу на первых электричках разъезжаются по любимым лесным островкам члены Ленинградского клуба фотоохотников. Их семнадцать человек.

Среди них — люди разного возраста и разных профессий, но всех объединяет неистребимая «обоюдоострая» страсть к природе и фотографии.

Николай Хватов работает начальником инструментального цеха в одном из ленинградских НИИ: «Меня дружок студенческий к этому делу привадила, но он в заповедниках снимает, а мне это неинтересно — ты попробуй в обычном лесу необычную сценку найти...»

Специалист «по крупному зверю» Александр Эрман трудится электромонтером в морском порту: «До сих пор не могу себе простить один случай. Залез на вышку косолапого высматривать, фотоаппарату внизу оставил, а он тут как тут да еще с медвежатами... Только и успел «полтинником» поснимать — вот беда какая!»

Студент Сергей Кузнецов все свободное время проводит в лесу, любит снимать в соавторстве: «Тут такое дело. Все мгновение решает. Иной раз не только на другую точку съемки не успеешь перебежать, но и второй раз щелкнуть затвором — зверь пугается. Поэтому лучше бродить по лесу вдвоем. Когда «работаешь» в паре — это надежная гарантия».

В мае нынешнего года клубу исполнилось пятнадцать лет. В свое время он был первым в стране, единственным. Сейчас во многих городах есть свои клубы фотоохотников — ленинградский же был и остается родоначальником.

Все началось с маленькой секции при областном Обществе охотников и рыболовов. Фотографы-любители тогда больше снимали не живую природу, а разные общественные заседания и мероприятия.

Клуб стал клубом, когда его возглавил истинный любитель природы, страстный фотограф Сергей Дмитриевич Зимарьков. Все свои силы он отдавал становлению молодого творческого коллектива. Были придуманы эмблема и устав клуба, выпущен специальный значок фотоохотника. Зимарьков сформулировал задачу-максимум: каждый фотоохотник должен быть не только хорошим фотографом, но и пропагандистом в деле охраны живой природы. Эту цель клуб ставит перед собой и по сей день.

Пришло признание. Работы фотоохотников экспонируются на ежегодных отчетных выставках в Ленинграде и в Москве на ВДНХ. Лучшие из них отмечены дипломами на Всемирной охотничьей выставке в Будапеште, на всесоюзных фотоконкурсах «Охота с фотоаппаратом», «Свема», конкурсе Красногорского механического завода.

Однако, получив известность, клуб фотоохотников не стал «академическим» — среди его членов много молодежи. Идут консультации для начинающих фотографов, ведется оживленная переписка с коллегами из других городов.

— С каждым годом растут наши ряды. Все чаще в лесу встречаешь человека с фотокамерой — это стало душевной потребностью, что ли, — говорит Волотин. — Правда, есть у меня один друг, профессиональный фотокорреспондент, он порой посмеивается: зачем, мол, это все надо? Новых видов животных не откроешь, а в сотый раз снимать белку неинтересно... Чудной человек, — думаю, — в нашем деле столько еще неизведанного, постоянно открываешь для себя новое.

Смотрю на снимок Волотина «Плывущие лоси». Пять животных — такое редко встретишь — переплывают реку, над которой стоит молочная утренняя туманка... Завидую Ивану Степановичу: самому бы увидеть такое!

Вот, пожалуй, главная цель охотничьих снимков, — чтобы человек сам загорелся желанием воочию увидеть это чудо, собрался и махнул в лес просто понаблюдать, прислушаться, впитать в себя эту благодать...

Фотоудачи редки, зато дорога им цена. Сколько нужно выдержки, сил, чтобы заснять токующих глухарей или бобров, строящих плотину. Не всегда снимки могут быть отнесены к области фотоискусства. Но радость они приносят всегда. И самому фотоохотнику, и зрителям.

— Приобретая опыт, мы все меньше надеемся на случайность, на «вдруг», — рассказывает председатель художественного совета клуба, инженер-механик Евгений Горинов. — Мы, фотоохотники, должны знать и чувствовать биомеханику леса, поведение и повадки зверей и птиц. Без этого удачи не будет. Знаю фотографов, которые неделями бродят по лесам в надежде на чудо, а толку мало — они не знакомы с элементарными законами природы. Поэтому на заседания нашего клуба мы приглашаем ученых-биологов, советуемся с ними. «Просто птичек» снимать лично для меня не интересно; я наблюдаю за жизнью конкретных птиц — лысухи, красавицы чомги. Только в долгих упорных поисках рождаются интересные кадры, неожиданные ракурсы.

Передо мной серия снимков Горинова, которая называется «Грабеж». История одного «преступления». Ворона присматривается к гнезду лысухи, подлетает все ближе и ближе. Схватка. Лысуха прикрывает крыльями яйца, защищается клювом. Первая атака отбита, ворона отлетает на прежнее место, маскируется, но не сдаётся. Стоит лысухе отправиться за кормом, как ворона крадет из гнезда большое яйцо...

Случайно, наскоком такие фотографии не сделаешь — в этом прав Евгений Горинов.

Недавно в «Советском фото» была опубликована статья И. Мухина «Бескровен ли «фотовыстрел»?». Члены клуба с ней ознакомились, и на одном из заседаний возник спор. — Сомнений нет, тема острая, но не перегибает ли автор палку? — усомнился один из членов общества охотников. — Так ли уж много мы приносим вреда природе? Вы посмотрите, что в лесу творят туристы, да и некоторые охотники — их ведь тысячи таких, а нас по области не больше тридцати... Сколько мы добра делаем!

Ему возразил Горинов:

— На нижней Волге браконьеры оправдываются обычно так: подумаешь, двух осетров выловили... Недавно видел снимок в одной центральной газете. Вокруг гнезда чомги обломаны ветки. Птица встревожена, защищает своих птенцов. От кого? Да от того же горе-фотографа. Мы не имеем права вторгаться в природу ради заманчивого кадра. Фотоохотник — это наблюдатель, бережный и чуткий.

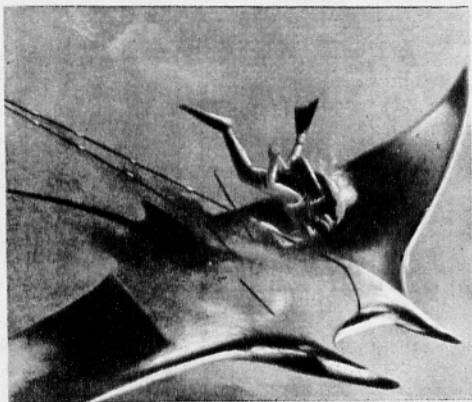
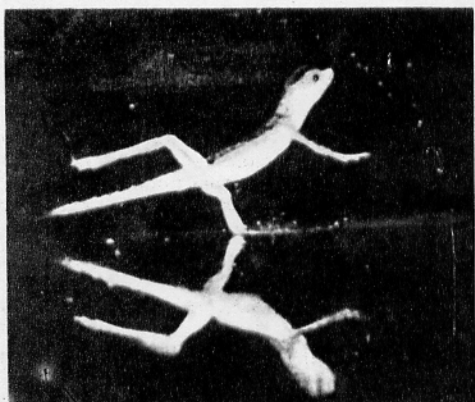
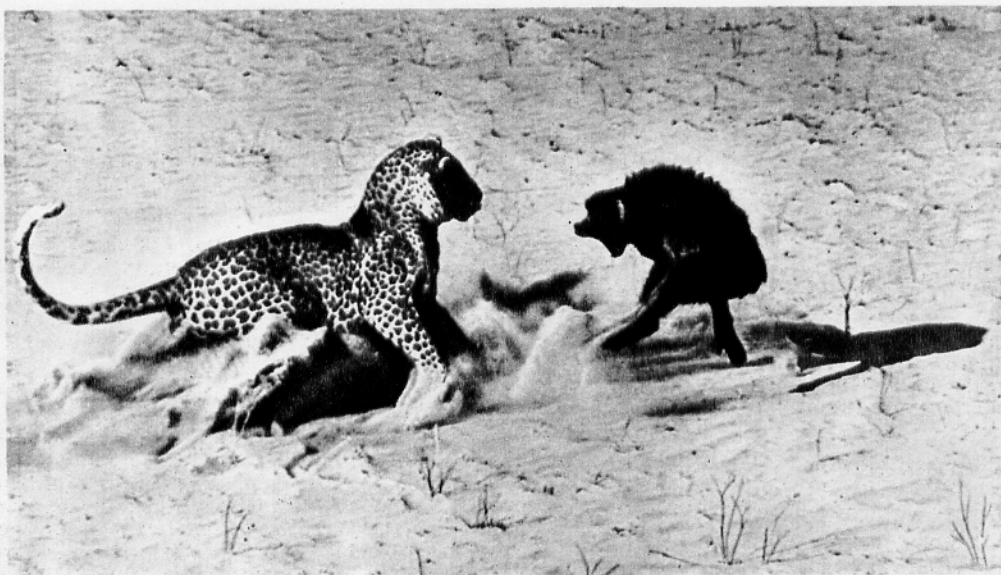
Большинство членов клуба поддержали Горинова. Потом зашел разговор о фотоканканах. С недавних пор некоторые фотоохотники стали их применять при съемке у нор животных. Натягивают ниточки к специальным приспособлениям, которые крепятся к фотовышкам, и ждут в укрытии, когда свет даст знать о «выстреле». Зверя застают врасплох. Бывали случаи, что после попадания в такой фотоканкан зверь покидал нору, бежал от него быстрее, чем от настоящего.

Дорого обходится природе такой «удачный» снимок, если можно так сказать о фотографиях испуганных зверьков, которые «с легкой руки» фотобраконьеров кочуют из одной газеты в другую...

Здесь стоит вспомнить давнюю работу Василия Пескова «Рука друга». Рука, с которой берут пищу белки и лоси. Рука, которая гладит дикого лисенка... Рука друга, взгляд друга — вот сущность фотоохотника, человека с добрым сердцем. Об этом очевиднее всего говорят лучшие работы членов Ленинградского клуба фотоохотников.

— ...Иван Степанович, а что с волком-то получилось? — поинтересовался я напоследок у Волотина.

— А-а! — Он махнул рукой и улыбнулся. — Ушел серый черт! Зато потом повезло — горностая снял на легу. Вы представляете?..

МГНОВЕНИЕ

Мгновенная съемка и вовремя оказавшийся на месте фотограф дают нам возможность рассмотреть удивительные моменты в жизни природы. Эти снимки сделаны в разных местах Земли...

Последние секунды охоты леопарда на обезьяну; стервятник, разбивающий камнем яйцо страуса; бегущая по воде ящерица; сова неясить, летящая прямо на объектив; атакованный людьми гигантский скат манта и, наконец, драма в лесу — волками окружен лось — удачи редкие в фотографии. Такие удачи — результат упорной охоты за кадром и дело случая, который, впрочем, идет навстречу тому, кто ищет его.

ТЕРПЕНИЕ, ЗНАНИЕ И ЛЮБОВЬ

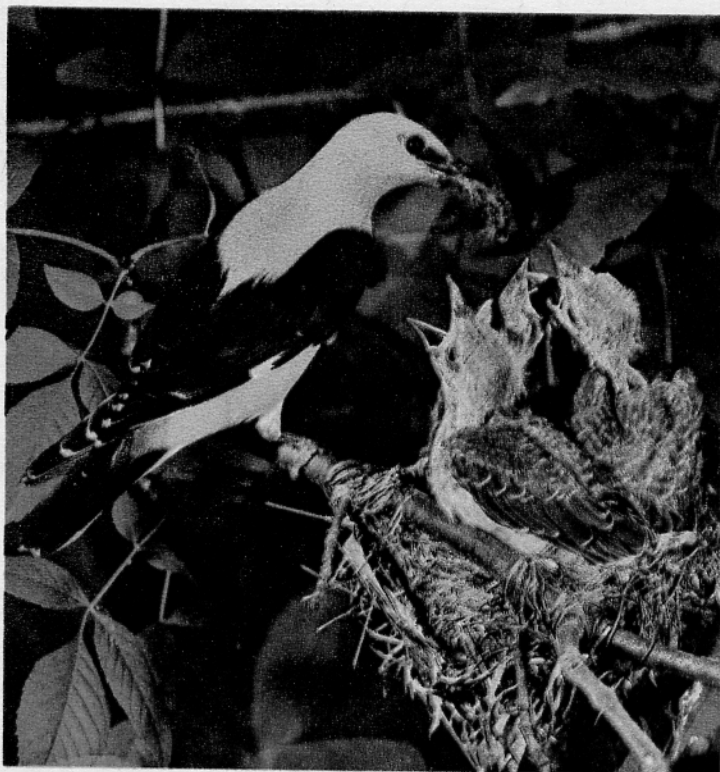
Л. УСТИНОВ
69-я параллель

Природу сегодня снимают практически все. Доступность пейзажа, живущие рядом с нами животные создают иллюзию: снимать в природе легко и просто. Заблуждение это рассеивается, как только фотограф попытается преодолеть барьер уже достигнутого многими. И тут обнаруживается: за редким удачным снимком надо в буквальном смысле охотиться, и помех на пути у фотографа великое множество.

Надо быть выносливым. Хождение пешком в труднодоступных местах, езда на лошади, готовность забраться на дерево, влезть на скалу, проплыть в лодке по быстро текущей речке, подняться с постели задолго до зари, а то и вовсе заночевать где-нибудь под кустом или в копенке сена — обычное для фотографа дело.

Совершенно необходимы знания и опыт натуралиста. Без этой грамоты фотограф в природе слеп, он может рассчитывать лишь на случайность, тогда как знания помогают предвидеть, и вероятность удачи от этого возрастает во много раз. Знающий человек снимает не просто «портрет животного» и не просто «пейзаж» — он подстерегает таинство жизни, обычно природой оберегаемое, а в пейзаже уловит тонкое настроение, длящееся иногда лишь очень короткое время.

Невозможно добиться успеха и без терпения. Ожидание момента в три-четыре секунды длится нередко много часов, дней и даже недель.

Б. НЕЧАЕВ
Иволга

Сизоворонка

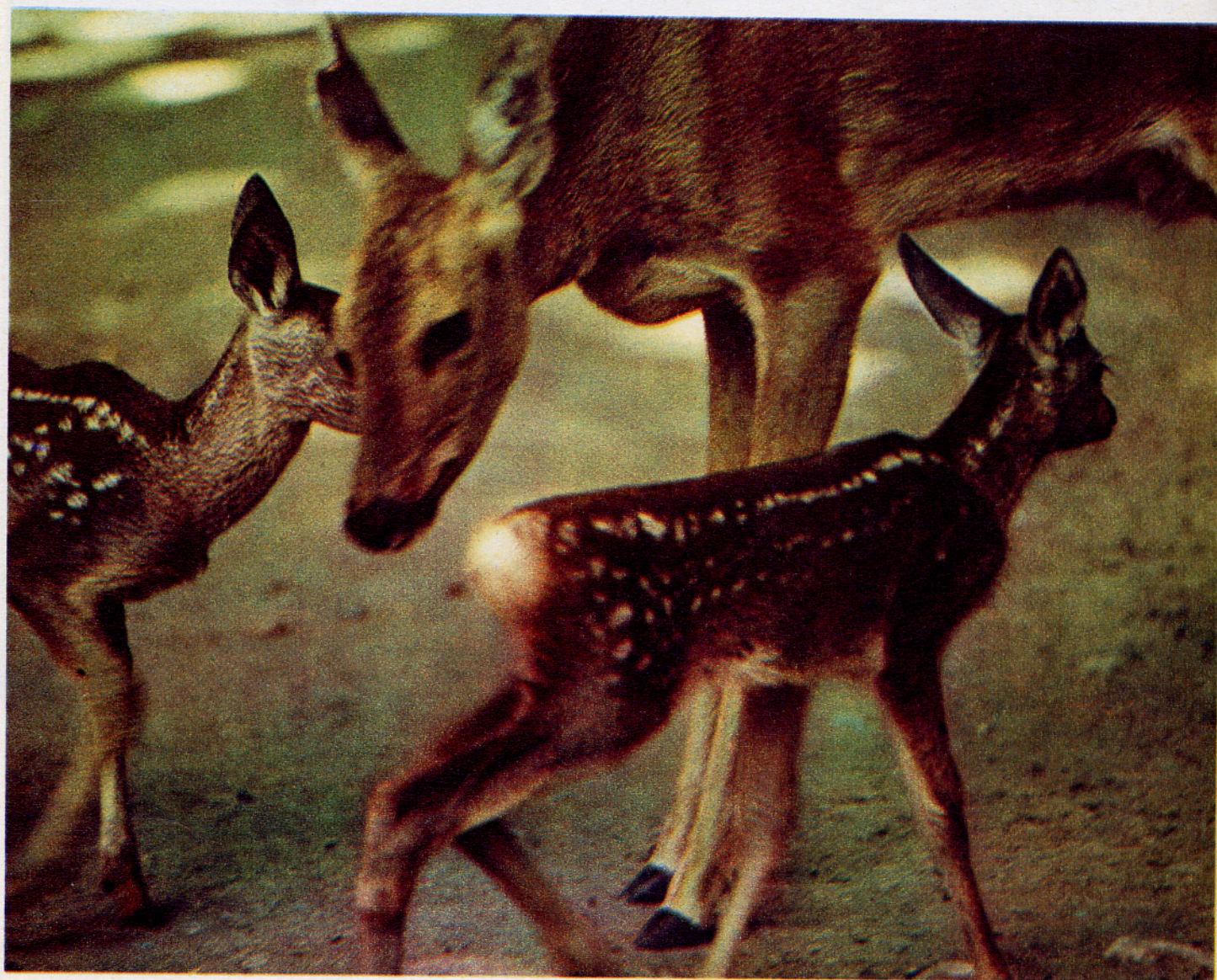
Зимородок

Щурка золотистая

В. ГИППЕНРЕЙТЕР
Лесная симфония

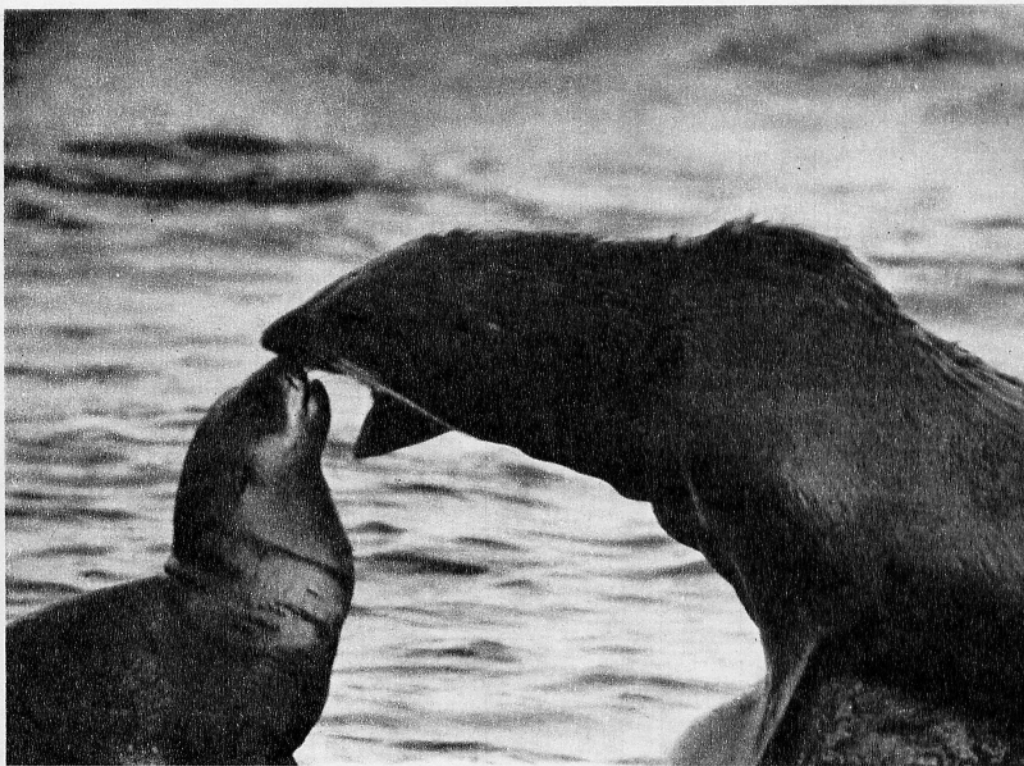
Нетерпеливый плкнет и пойдѣт искать добычу полегче, а терпеливый дожѣдется своей минуты. Все это очень похоже на рыбную ловлю. Один поминутно таскает ук-лѣек — рыбешек размером с палец и сейчас же меняет место, если клѣв прекратился, а другой терпеливо сидит с донной удочкой, его добыча — рыба немаленькая. Ну и, конечно, главный спутник многих удач — любовь к природе. Она должна быть очень большой. В этом случае все тяготы переходов, переездов и ожиданий, все неудачи и промахи покрываются радостью острого ощущения жизни, близостью к тайнам всего живого, возможностью наблюдать, делать хоть маленькие, но свои открытия мира.

Если в одном человеке эта любовь счастливо сочетается с терпением, выносливостью, знаниями, хорошим вкусом и, конечно, профессиональным владением техникой — мы имеем удачливого фотографа-натуралиста. Таких людей, к сожалѣнию, очень немного. Мы все их знаем. Вадим Гиппенрейтер, Борис Машков, Михаил Штейнбах, Лев Устинов, Василий Песков, покойный ныне Николай Николаевич Немнонов (он умер в лесу, во время фотоохоты).

Публикуя здѣсь снимки известных мастеров фотосъемки в природе, особо надо отметить работы Бориса Нечаева (Ростовская область). Охотовед по профессии, Борис Нечаев не только тонко и глубоко знает природу, но и прекрасно владеет техникой фотографии. Снимки его — не только заявка на мастерство, это уже мастерство, способное послужить образцом для тех, кто хотел бы добиться успеха в нелегком и непростом деле фотографа-анималиста.

Редкие снимки природы представляют собой информационную, эстетическую и научную ценность. Сделать их всегда трудно, и очень часто снимки эти неповторимы. Во всем мире они составляют золотой фонд фотографии на службе естествознания. И, наверное, уместно сказать тут о том, что каждая большая удача фотографа-натуралиста должна всячески поощряться, в том числе материально. Многие в этой работе сейчас держатся на энтузиазме, но надо стремиться к тому, чтобы охота за важным кадром была «рентабельна», это будет способствовать накоплению редких снимков природы.

Н. К.

В. МАШКОВ
В лучах заката

С мамой

Н. НЕМНОНОВ
Материнство

А. ПЕРЕВОЩИКОВ
Студеный вечер

ПУСТЬ ОТКЛИКНЕТСЯ СЕРДЦЕ

Борис РЯБИНIN,
писатель,
член Центрального совета
Всероссийского общества
охраны природы.

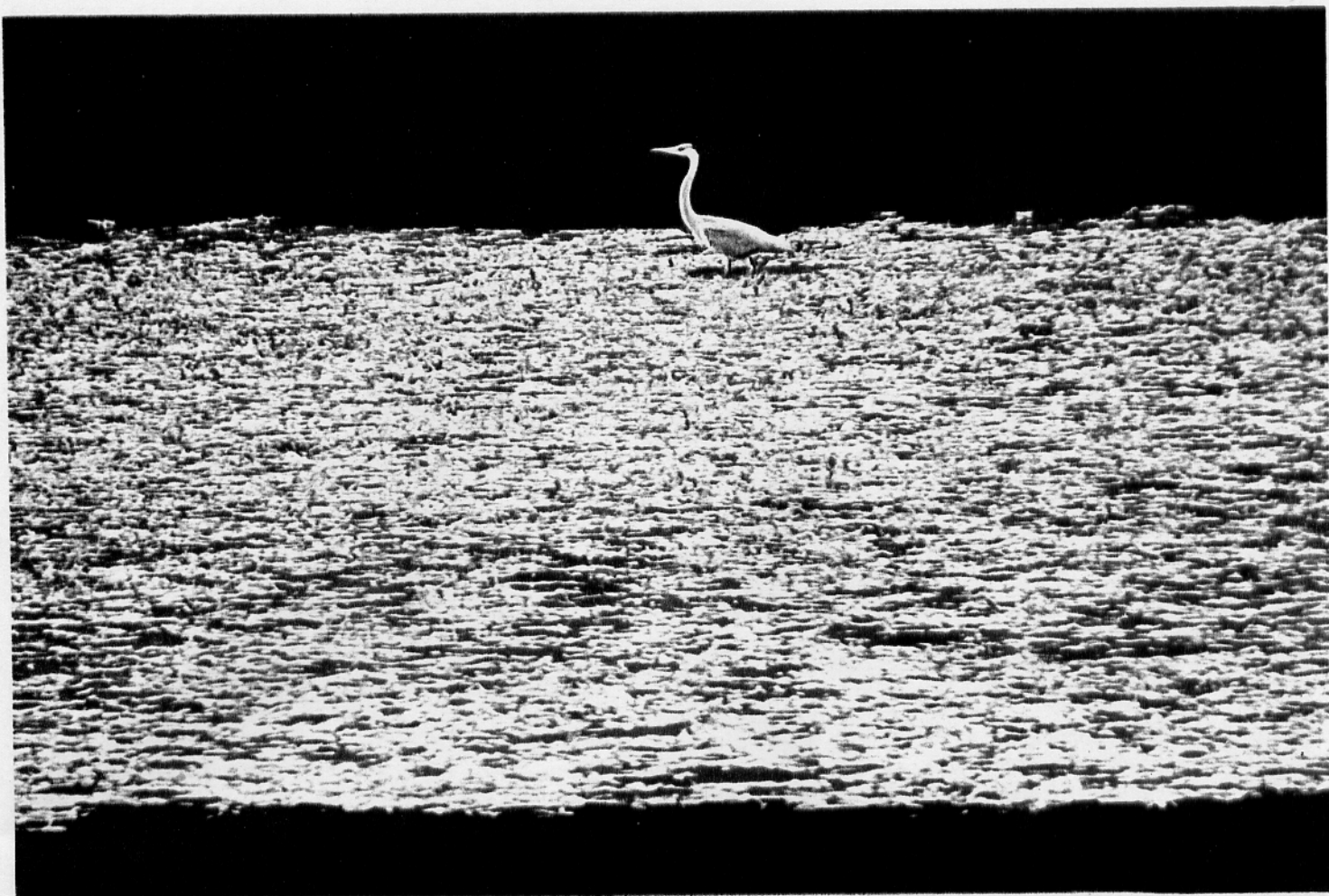
Спор между мной и моим товарищем и коллегой, писателем Павлом Макшанихиным, возник не преднамеренно. Говорили об анимализме и значении его для формирования человеческой нравственности, о том, что, помогая постичь красоту и нервную деятельность животных, он, то есть анимализм, как особый, нужный вид искусства, тем самым сближает нас с бесконечно огромным миром живых существ. Анимализм — страсть описывать, рисовать животных, то есть ту часть природы, которая порой больше всего нуждается в нашей защите и опеке. И тут я обронил что-то насчет того, что у бессловесных тоже есть характер, только мы не всегда умеем постичь его.

— У животных? Характер? — насмешливо переспросил Макшанихин и покачал головой. — Нет у животных никакого характера...

— То есть как?! — Я даже растерялся в первый момент от такой категоричности, а потом рассердился. — Что ты знаешь о животных? Ничего. По твоему рассуждению вижу — ничего. Ты не наблюдал за ними, а потому не имеешь права и судить!

Мы чуть не поссорились тогда.

А вскоре у меня вышла книжка «Друг, воспитанный тобой». Издательство «Детская литература» не поскупилось, роскошно оформило книгу: более ста иллюстраций, да каких! Все — фотографии собак, в

В. КОРЕШКОВ
Доверие

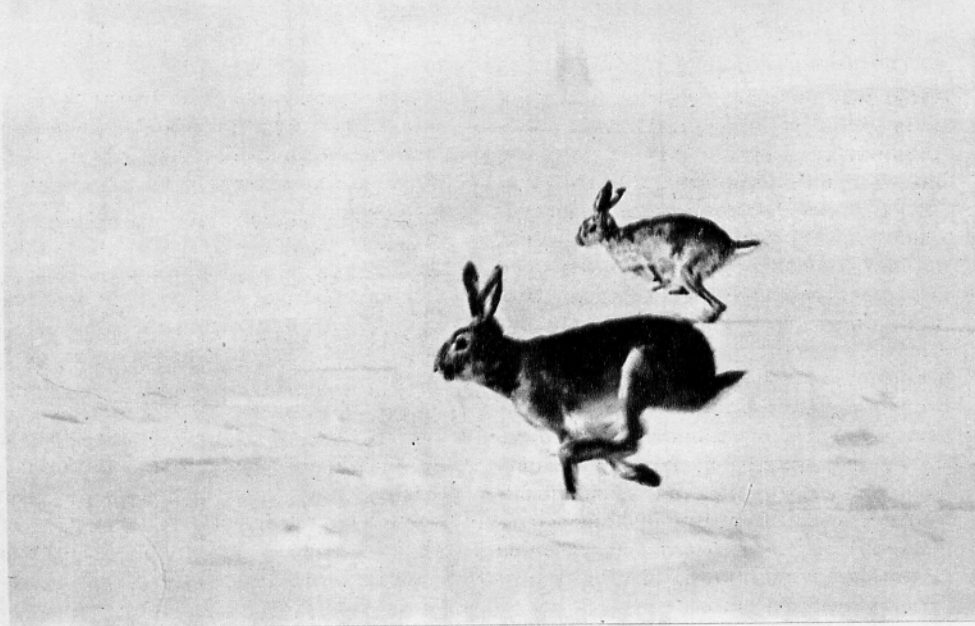
Л. ШЕРСТЕННИКОВ
Одна

А. СИЗОВ
Спринт

К стр. 29

Т. БАЖЕНОВ
Три сестры

А. КОЧЕТОВ
Через дорогу

разных видах, разные породы, в разные моменты жизни. Оформители сами выбрали эту удивительно разнообразную и трогательную сердце галерею, даже не прибегнув к помощи автора-«собачника». Отличных снимков было много; мне понравился один (он назывался «Ох, сейчас начнется самое неприятное!»). На приеме у врача: мужчина в халате держит в руках шприц, сейчас будет делать укол, а пес-боксер с такой кислой миной смотрит на эти приготовления... Понимает все: болевая, противная процедура. Не хватает только, чтоб сказал: «Давайте скорее, что ли — неприятная вещь!..» Выражение морды... ну, совершенно очеловеченное. Но кто его очеловечил? Фото-

граф сумел подсмотреть, уловил нужный момент.

Вспомнился спор с Макшанихиным. Я дал ему книгу и раскрыл на нужной странице. Он взглянул и сразу расхохотался, потом долго смотрел и, наконец, сказал:

— А знаешь, пожалуй, ты в чем-то прав. Похоже, что у этой твари есть характер. Понимает все, и никого не трогает, не огрызается. Понимает, что ему хотят добра, и выдерживает, терпит... значит, есть характер! Не знаю, такой ли, как у тебя и у меня, — лично я переношу подобные операции плохо... Спасибо, дорогой, теперь все эти зверята будут для меня значить больше...

Как говорится, что и требовалось. На том мы и закончили свой спор. Талантливо выполненная фотография заставила моего друга изменить свою точку зрения. Врагом животных он не был, отнюдь, но с того дня он стал относиться к ним с большим уважением и вниманием; снимок открыл ему нечто такое, чего он не замечал раньше.

Фотография ныне получила широчайшее распространение, естественно, что и требования к ней другие. Куда ни кинь взгляд, везде фотоснимки: в газетах, в журнале, в книге, на уличных витринах, на стенах помещений, не говоря уже о тех, что носят на сердце... Бойко идет торговля красивыми пейзажами, натюрмортами, черно-белыми и цветными.

В какой-то московской гостинице, кажется, в «Урале», в вестибюле я увидел пейзажи реки Чусовой во всю стену; право, это не могло не оставить внимания уральца, да и не только уральца. Пейзажи были просто великолепны: скалы-кручи, стройные сосенки на изъеденных временем утесах, а внизу река, сверкающая под полуденным солнцем... Помню, тогда же подумалось: а ведь такие снимки могут стать могучим средством пропаганды в пользу природы.

Человечество сейчас озабочено своими взаимоотношениями с природой, той самой, что дала жизнь всему существу, сотворила и нас, людей.

Не забыть снимки, которые мне прислали с Дальнего Востока. Олень, убитый ради рогов, — рога взяли, все остальное бросили. Мертвый медведь, у которого вырвал язык какой-то бесчувственный негодяй, — захотел полакомиться изысканным блюдом. Снимки, которые были представлены на арбитраж, — разбирался иск совхоза «Первоуральский» Свердловской области к Средне-Уральскому медеплавильному заводу: умерщвленная

вредными выбросами земля — нет, не земля, страшная пустыня, лишенная признаков растительности, потрескавшаяся, безжизненная, выдуваемая ветрами и смываемая ливневыми потоками... Такие снимки рожают гнев, возмущение.

Подумалось: вот такие фотообвинения воздействуют сильнее всяких слов. Недавно в газетах мелькнул кадр: после катастрофы с танкером у берегов Бретани — птица, нашедшая смерть в нефтяной могиле... Одна птица (погибли десятки тысяч), а впечатление — невозможно забыть. Снимок стоит перед глазами. Похожий снимок — птица, барахтающаяся в нефтяной жиже, — был опубликован в свое время на обложке журнала «Курьер ЮНЕСКО», вышедшего под грифом «Сохраним ли мы планету обитаемой?» Гамлетовский вопрос!

И вот (убежден!) фотография могла бы сделать великое дело... обязана сделать! — она должна стать в ряды активных борцов, защитников природы. Одних красивых пейзажей теперь уже мало, хотя не будем пренебрегать и ими, поскольку они содействуют эстетическому воспитанию.

Фотоохота уже завоевала права гражданства. Расширять, углублять, разнообразить ее возможности, так сказать, наращивать мощь, то бишь впечатляемость. Однако помнить: обращение к сюжетам природы требует знаний — природа хрупка! По невежеству, нечаянно, не желая того, можно легко нанести урон: снял гнездо с птенцами, не поостерегся, — а птица-мать больше не подойдет, пропали птенцы. (Так же, бывает, проявляют «любовь» и «заботу» там, где не надо: увидели маленького олененка или какую зверюшку в лесу — ах, пропадет! Тащат домой — и конец лесному жителю. Так случается частенько; хотя сострадание — разумное — должно проявляться к животному всегда. В некоторых странах карают в уголовном порядке за ненужное приручение диких.)

Человеческая рука — она и гладит, и бьет, может и убить насмерть. Помни про то, человек, держащий фотоаппарат. Будь осторожен предельно, чутко, бережлив. И терпелив — без терпения и упорства, по-моему, вообще не создашь ничего значительного. Служба охраны природы складывается из бесчисленного количества мелких, подчас совсем незаметных поступков. Спас птенца, выпавшего из гнезда. Не дал погубить куст, дерево. Помог ручью. Мобилизовал ребят на выручку погибающим от бескормицы в зимнюю стужу косу-

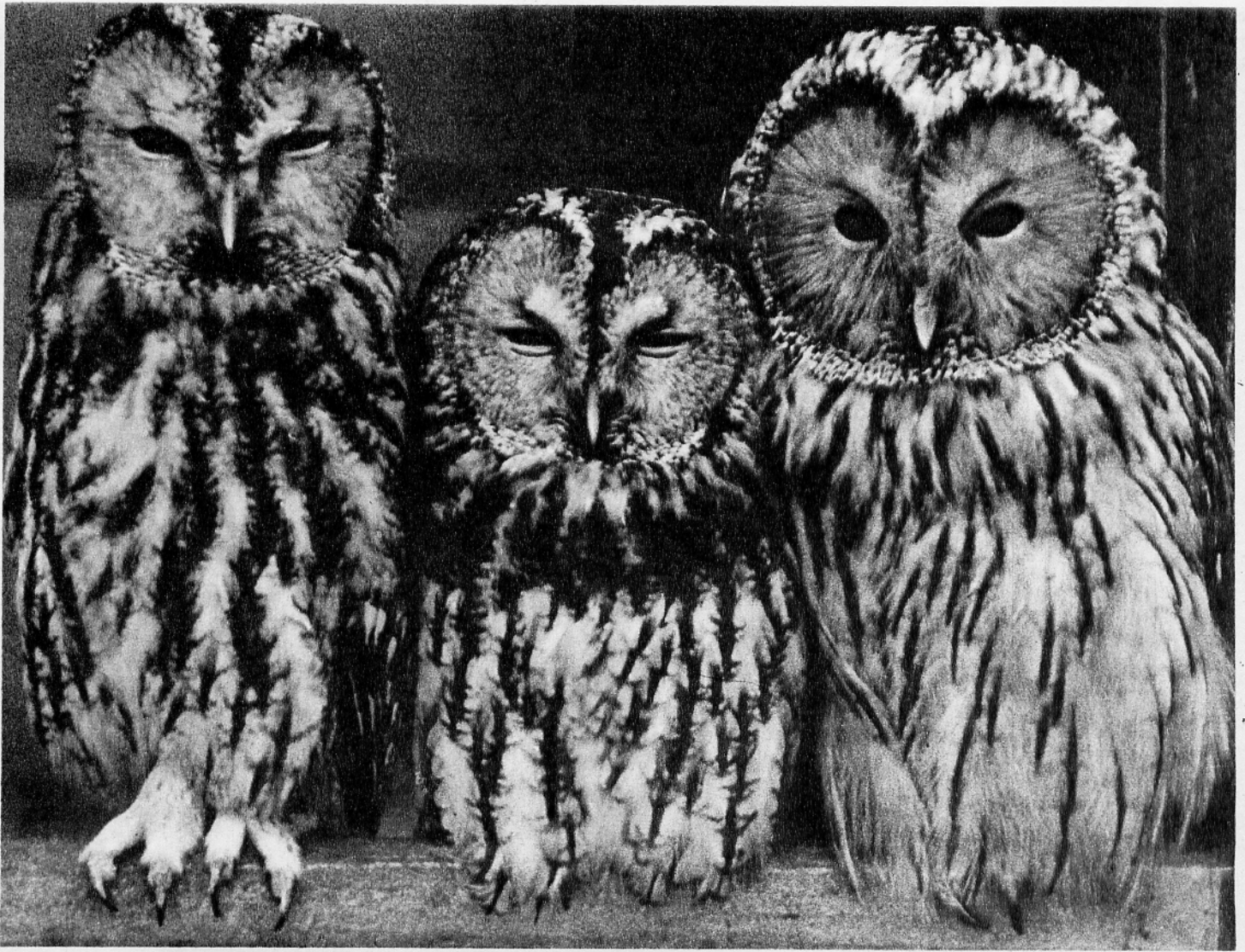
лям... Такова должна быть и фотография современного мастера-природолюбца, борца за живое естество: из множества снимков складывается мозаика жизни, великая и прекрасная картина.

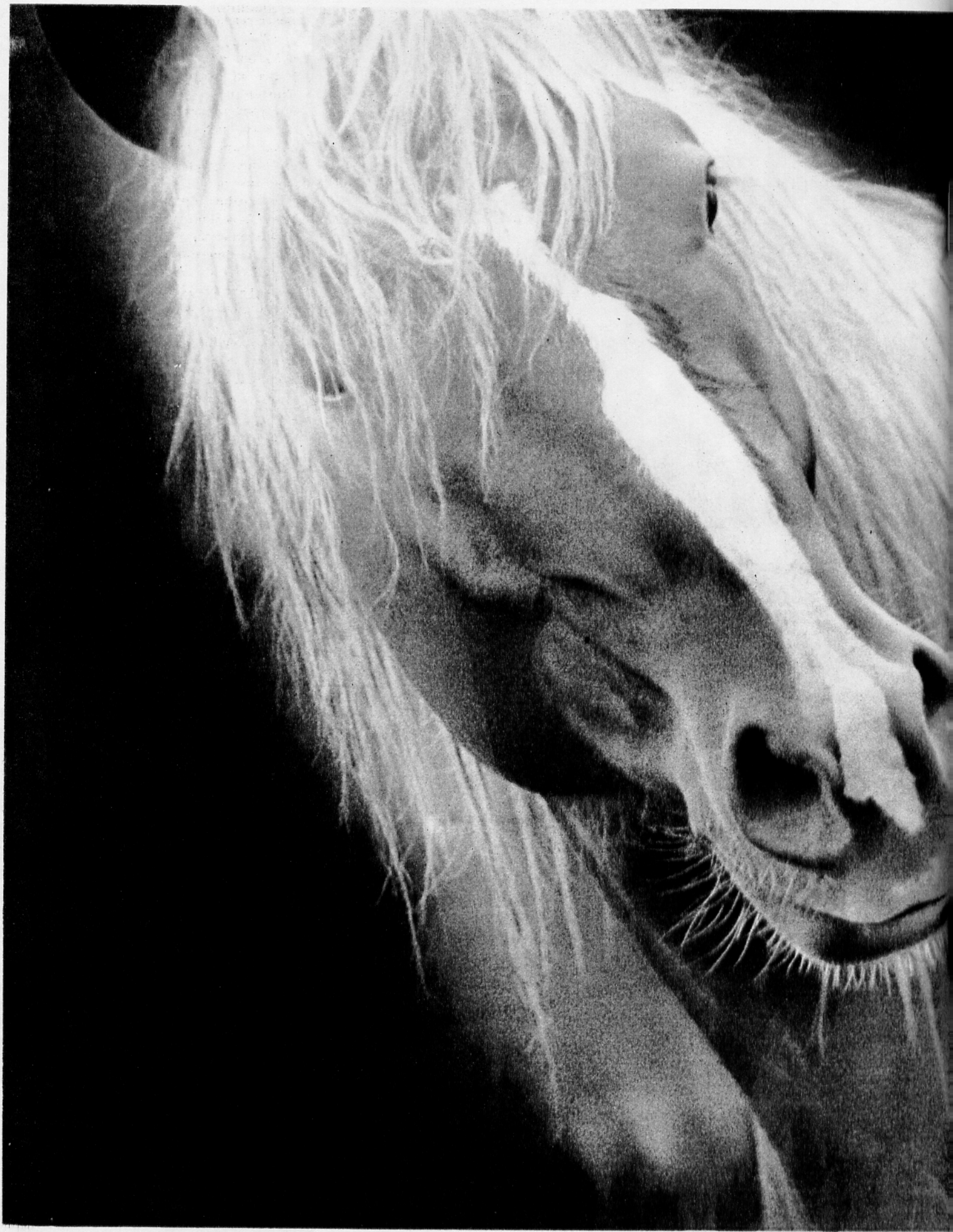
Есть у меня друг, давний, закадычный (учились вместе). Он не фотограф-профессионал, но любит фотографию, владеет кинокамерой. Весь досуг он отдает общению с природой. Какие снимки привозит всякий раз из леса! Белка на морщинистой, высохшей, трудовой руке старого человека. Вороненок, метящий клонуть в нос щенка; началось с враждебных действий — кончилось дружбой: та же пара — пес задремал, вороненок прикорнул на его спине. Видеть эту прелесть — награда свыше, озарение. Мы не раз использовали снимки Сергея Смородина в передачах телевизионного Клуба друзей природы, и всегда с успехом.

К слову, о фотопейзажах, кои во множестве украшают всякие официальные и жилые интерьеры. Какие-то они, чаще всего мне кажется, холодноватые, нейтральные. Может быть, чересчур много обращается внимания на технику исполнения? Конечно, фотография — во многом техника. Однако ж и не протокол. В протоколе находит место все — искусство же ищет самую сильную, выразительную, говорящую деталь, и техника здесь — оптика, фокусное расстояние, диафрагма, резкость, всякие прочие тонкости — лишь помогают исполнению замысла. Простите, друзья-фоторепортеры, фотографы-любители, начинающие и продолжающие, я не учу вас, я только напоминаю...

Когда-то я тоже снимал. До войны существовал журнал «На суше и на море». Помню, журнал опубликовал мой снимок, на всю страницу — «На реке Пышме». Кустик на переднем плане, вода и лодка с двумя гребцами. Снято было контражуром, получились резкие светотени, все заискрилось, засверкало. Для меня это был урок. Я-то в снимке ничего особенного не приметил (теперь — люблю). Такой же, даже большей удачей явился снимок «Март на Северном Урале», опубликованный «Известиями» и попавший на Всесоюзную выставку фотоискусства. И тоже: сосны, дорога да глубокие снежные ухабы — рытвины, но отсюда рождалось настроение, чувство.

Помню, как в «Уральском следопыте», в том, «старом» «Уральском следопыте», выходившем в тридцатые годы, редактор Владимир Алексеевич Попов, увидав снимок двух грибов-

А. ЛЫСЯКОВ
Белая грива

обабок, вскричал: «Какая прелесть!», и тут же отправил на клиширование. Снимок появился в журнале, и теперь я горжусь им. А тогда... тогда, признаться, не очень понимал восторги Владимира Алексеевича, он показался мне чудачком. Удача опережала понимание.

Фотография помогает видеть красоту родной земли. Осенью 1975 года на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС, во время перекрытия Енисея, я встретился с Анатолием Скурихиным. Оба мы были когда-то фотокорреспондентами «Известий», он в Москве, на выездах, я — на Урале. Давно не виделись. Меня восхитило, что в свои 76 лет он все такой же подвижный, нетерпеливый, по-прежнему в погоне за кадром. Он сделал предложение: «Пойдем вместе в Саяны... я бывал, там есть места, зовут «Каменный город»... человек не хаживал! Там такое увидишь... еще никто не видал!»

Да. Есть еще порох в пороховницах, зовут дальние дороги, неизведанные места. Наверное, в том романтика работы фотографа.

Белый лебедь плавает в пруду, где вода пропущена через очистные сооружения крупного завода. Да это же символ нашего века! «Увековечьте» его, размножьте, дайте глянуть другим, потрясите перед носом неверующих, скептиков. Кстати, здесь ведь тоже сочетание техники и прекрасного естества жизни, чувства и разума; техника — всегда разум, но не случайно мы говорим сейчас о гуманизации техники. Ловите такой кадр — чувства и мысли, которые он пробудит, говорят сами за себя.

Природа нуждается в нашей дружбе. Мало, редко мы устраиваем выставки фотографий, посвященные природе. Может быть, обществу охраны природы пора подумать о специальных премиях за лучшие произведения этого жанра. Для меня это особый, важный, очень нужный, остро необходимый жанр. Снимки-изобличения, снимки, прославляющие красоту земли и доброту человеческую, снимки, берущие за сердце, возбуждающие гнев и активизирующие любовь, рождающие желание действовать, немедленно сражаться за природу, — вот к чему должен ныне стремиться мастер.

Пусть его снимки переворачивают душу, как опрокинул взгляды моего стародавнего друга снимок четвероногого, терпеливо ожидающего неприятной — брр! — но целительной инъекции...

ВАЖНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ДЕЛО

В Москве состоялся V пленум Центрального совета Всероссийского общества охраны природы. Пленум рассмотрел вопрос «О дальнейшем повышении уровня пропаганды охраны природы в свете требований XXV съезда КПСС и Конституции СССР».

Общество охраны природы вместе с Советами народных депутатов и другими организациями проводят большую работу среди широких слоев населения. Более 100 тысяч специалистов народного хозяйства работают пропагандистами. Действуют народные университеты и факультеты охраны природы, дома и клубы природы. Активно работают общественные редакции в печати, на радио и телевидении. Расширяется лекционная работа. Проводятся фотоконкурсы и кинофестивали под девизом «Охрана природы — дело всего народа».

Фотография активно используется в деле охраны окружающей среды. В газетах и журналах, на выставочных стендах она выступает общественным обвинителем против загрязнения природы; против браконьерства, пропагандирует лучшие традиции общества, способствует распространению передовых методов работы первичных организаций.

Новой формой массовой работы стали месячники охраны природы. Как правило, к ним приурочены фотовыставки. За последние два года Центральный и местные советы общества организовали 26 тысяч различных экспозиций. Хорошим примером стала выставка «Природа и мы», которую вместе с областным советом Белорусского общества охраны природы подготовил и показал в Могилеве народный фотокиноклуб «Радуга». В ней приняли участие девятнадцать фотоклубов СССР, Болгарии и Польши. Актуально прозвучала тема защиты природной среды на фотовыставках «Янтарный край» в Литве, «Фотомарина» в Одессе, «Рыбацкий меридиан» во Владивостоке. Успешно решают эту тему наши ведущие фотожурналисты В. Шустов, В. Богатырев, В. Минкевич, М. Ананьин, И. Зотин и другие. Средствами фотоочерка и фоторепортажа они рассказывают о наиболее острых проблемах в охране окружающей среды, о роли человека в сохранении природы.

Пленум подчеркнул, что особое внимание необходимо уделять экологическим проблемам Нечерноземья, в зоне строительства БАМа, в районах Дальнего Востока и Сибири.

На каждом предприятии, в колхозе, совхозе, ЖЭКе должен быть создан уголок охраны природы. Нужно шире практиковать проведение смотров районных и многотиражных газет, культурно-просветительных учреждений, различных фото- и киноконкурсов, связанных с темой защиты окружающей среды.

Более 100 тысяч специалистов народного хозяйства, учителей, геологов, журналистов работают пропагандистами в первичных организациях общества. И фотоаппаратам, как профессионалам, так и любителям, предстоит внести свой вклад в пропаганду охраны природы.

В. ПЕТРОВ

ТЕМА, КОТОРАЯ ИЩЕТ ВАС....

На главной улице болгарского города Варны, у входа в городской выставочный зал, — громадная афиша. На ней символическое изображение капли чистой воды, окруженной спасательным кругом. И — приглашение на фотовыставку, организованную в рамках месячника по охране окружающей среды. Надо сказать, что Варна и ее окрестности — своеобразный уголок земли. Здесь есть что охранять для нас и для будущих поколений. Первое из богатств — это, конечно, море. Море теплое и ласковое, с прибрежной полосой — ожерельем пляжей и парков, домов отдыха и курортов мировой известности.

Многое чарует здесь приезжего человека. Вписавшиеся в ландшафт, ставшие как бы частью ландшафта памятники античного Одессоса. И — причудливые утесы мыса Калиакра... Спрятавшийся в горах, слившийся с горами Аладжа-монастырь. И — феномен природы: выросший вдруг среди чистого поля лес скальных изваяний — Побиты-Камни... Опутанные лианами вековые деревья, настоящие джунгли в устье Камчии. И — ставшие навсегда улицей и площадями Варны морские чайки. Всем этим любуешься, переходя на выставке от фотографии к фотографии. И останавливаясь порой в удивлении. Потому что глаз, вооруженный фотокамерой, увидел больше, чем невооруженный глаз.

...Камера увидела лесную лань и других четвероногих, чьи следы читаешь в книге утренних дюн. Она, камера, позволила нам совершить путешествие в таинственный подводный мир Черноморья. А еще — всевидящая камера обратила наше внимание на факты тревожные.

Вот, к примеру, сгустки мазута, словно сып на золотистом песке... Разводья нефти — язвы на лазурной поверхности моря... А вот прибитые волною к берегу вздувшиеся рыбины... Тексты под снимками сообщают, когда, где и — если удалось установить — по чьей вине нарушено «здоровье» природы. Перед нами фотокопии актов, составленных инспекторами по охране среды. Крупные фотоувеличения строгих предписаний.

Снова чарующие картины. И вновь, диссонансом: стоки, отравившие реку, заводские отходы, погубившие двести гектаров цветущего луга... С адресами, с фамилиями виновных.

Любая хорошая фотография о природе — это голос, в защиту природы. Но, собранные вместе и объединенные благородной темой, да еще дополненные фотодокументами, голоса-фотографии звучат тысячекратно сильнее.

Выставки, подобные варненской, хотелось бы увидеть и у нас: в Омске и Красноярске, в Кемерове и Новокузнецке, в Челябинске и Свердловске... Повсюду фотографии, профессионалы и любители, могли бы помочь государству и общественности — помочь в сохранении чистоты вод, зелени лесов, голубизны неба.

В свою очередь, обращение к столь важной теме помогло бы многим нашим фотоаппаратам, особенно в областях и республиках, заговорить в полный голос. Ведь не секрет: некоторые конкурсные и отчетные выставки на местах однообразны, малоинтересны, напоминают «вышивание гладью». Они не удовлетворяют не только широкого зрителя, но и самих участников выставок.

Фотографы ищут тему. Тема ищет фотографов...

В. ЗАПОРОЖЧЕНКО,
Варна — Москва
Фото автора

ВИЗИТ ДЯТЛА

Михаил
ШТЕЙНБАХ

В то утро я проснулся от какого-то шума. Угол палатки буквально сотрясаясь, а в брезенте зияла довольно солидная дырка, в которой мелькал чей-то длинный острый клюв. Гостем оказался мой старый знакомый — большой пестрый дятел, дупло которого находилось неподалеку.

Дятла этого я знал уже второй год, не раз фотографировал его во время «строительства» дупла и выкармливания птенцов. От всех окрестных дятлов он отличался хищными наклонностями. Довольно часто на моих глазах разорял гнезда синиц-гаичек и мухоловок-пеструшек. Продолбив широкое отверстие в стволе дерева прямо напротив дупла, в котором поселились эти птички, он безжалостно выкидывал на землю гнездовую подстилку и вытаскивал птенчиков, которых зажимал в ближайшей щели и буквально раздавливал.

В течение всего этого страшного процесса крохотные хозяева разоренного гнезда, будучи не в силах справиться с разбойником, задыхались от истерических воплей, но тот не обращал на них никакого внимания...

И вот сейчас этот самый «субъект» нагло долбит мою палатку! Дыра все увеличивается. Я пытаюсь прогнать его, просунув в эту дыру палец. Два мощных удара клювом — палец рассечен почти до кости. «Хамство» дятла переходит все границы, и я легонько ударяю по тому месту, где он прицепился. Не тут-то было! Этот «хулиган» продолжает клевать руку даже сквозь брезент.

Поддавшись любопытству, я сдаюсь: ведь, в конце-то концов, далеко не каждый дятел удостоивает фотоохотника столь завидным «вниманием». А дятел, видимо, довольный своей победой, издал торжествующий крик и принялся обследовать другую часть палатки.

Я продолжал с интересом следить за его тенью, прыгающей по брезенту. Вскоре дятел «ознакомился» со всей палаткой, и тут произошло то, чего я никак не ожидал. Прокричав несколько раз свое «кик-кик», дятел внезапно слетел вниз, к гнезду соловьев, и ухватился за стебель крапивы совсем рядом с гнездом, на котором в это время, обогревая птенцов, сидела самочка. При виде дятла все перья ее поднялись дыбом. Птичка раскрыла клюв и, преодолевая страх, зашипела на вдвое превосходящего ее размерами пришельца. Тот в два прыжка достиг гнезда и с ходу сильно долбанул соловьику клювом. Бедная пичуга, не выдержав, слетела с гнезда и с отчаянными жужжащими воплями, распутив крылья и хвост, стала метаться вокруг дятла. А тот, не обращая на это ни малейшего внимания, приготовился расправиться с птенчиками. Тут уж пришлось вмешаться мне, иначе исход был бы печален.

Отпугнутый дятел улетел, а мне осталось... ругать себя последними словами за то, что накануне, когда разразилась сильнейшая гроза, я не догадался защитить от дождя стоявшие снаружи лампы-вспышки, и те, естественно, вышли из строя. И вот теперь всю эту редчайшую сцену с дятлом я наблюдаю в видеоискатель фотоаппарата и не сделал ни одного снимка. Ведь снимать без вспышек в половине пятого утра, да еще в пасмурную погоду, невозможно, особенно если аппарат заряжен низкочувствительной пленкой.

До сих пор перед глазами встает картина: взъерошенная, с раскрытым клювом, тяжело дышащая от испуга, но отчаянно защищающая беспомощных птенцов самочка соловья, а в нескольких сантиметрах от них — ухватившийся за стебель крапивы большой пестрый дятел, злобно поглядывающий на бесстрашную птичку...

НОЧНОЙ СОЛОВЕЙ

Начало мая под Курском. Теплая лунная ночь, островок дубравы, затерявшийся в заповедной степи. Лунным светом окаймлены заросли ивняка, крушины, терновника, раскинувшиеся по влажным ложинам. Близится полночь. И вдруг ночную тишь нарушил своим «почином» курский соловей!

Долго слушал я его трели. Попытался даже подойти, да хрустнул веткой. Соловей замолк. Но вот из соседнего куста запел другой соловей! Что тут случилось с моим Орфеем! Он вмиг забыл о хрустнувшей ветке, и его песня полилась с необычайным задором.

Я осмелел и пополз к нему по чащобе, сопровождаемый оглушительным хрустом. При каждом движении сердце мое обрывалось, но соловей и не думал пугаться. Его словно бы подменили. Вот что значит азарт!

Пять минут — и я рядом с певцом. Вижу его силуэт в метре от себя. Но темно, ничего толком нельзя разобрать. А, будь что будет! И я включил фонарик...

Никакими словами не передать то волшебное очарование, которое излучал маленький солист. Я простоял полчаса или больше. И вдруг до меня дошло: а соловей-то даже фонаря не испугался. Тот самый соловей, который, когда пел один, замолк от тихого хруста сучка. Стоп, еще идея!

Два часа спустя я снова стоял близ певца, но уже с магнитофоном. Когда рассвело и соловей взлетел на кроны дубов, я возвращался домой, унося с собой его песню.

Пробило одиннадцать часов ночи. Я взял в руки фотоаппарат с привинченными к нему вспышками, повесил на грудь магнитофон и отправился в путь.

Вот я на месте. Тишина... А ну-ка, включим! Нажимаю клавишу магнитофона, и лесной лог наполняется соловьиными трелями. Сразу же, словно только того и ждал, включился и живой певец и стал подстраивать свою песню под пение «магнитофонного». А поскольку тот был им же самим, то «настройка» шла легко и приводила маленького Орфея в буйный азарт. Я подобрался прямо к тому месту, где он пел, и глянул вверх. Певец находился в двух метрах от меня.

Я начал «сбавлять» уровень звука — получилась иллюзия, что «соперник» сдает позиции. А раз он струсил — хозяину следует «проводить» «незваного гостя», да так, чтобы в другой раз ему не повадно было посягать на чужой участок. И как начал он свистать! Я было попытался — да ветви не пускают. Ну и соловей, ну и разбойник! Взвожу затвор фотоаппарата, включаю фонарь — а ему хоть бы что. Навожу на резкость, диафрагмирую до отказа, делаю снимок. Щелчок вспышки — а он и ухом не ведет! Дело кончилось тем, что я спокойно взял поющего соловья в руки. И не раз, а раза три подряд. Схватенный, он умолкал, не подавая никаких сигналов тревоги. Но стоило его выпустить — он садился на освещенные фонариком ветви, встряхивался, словно отгоняя от себя чудовищные грезы, и... снова пел! Наконец, после бесплодных попыток вернуть соловья к естественной осторожности, я выключил магнитофон и направился к дому. А из кустов все лилась и лилась соловьиная песня...

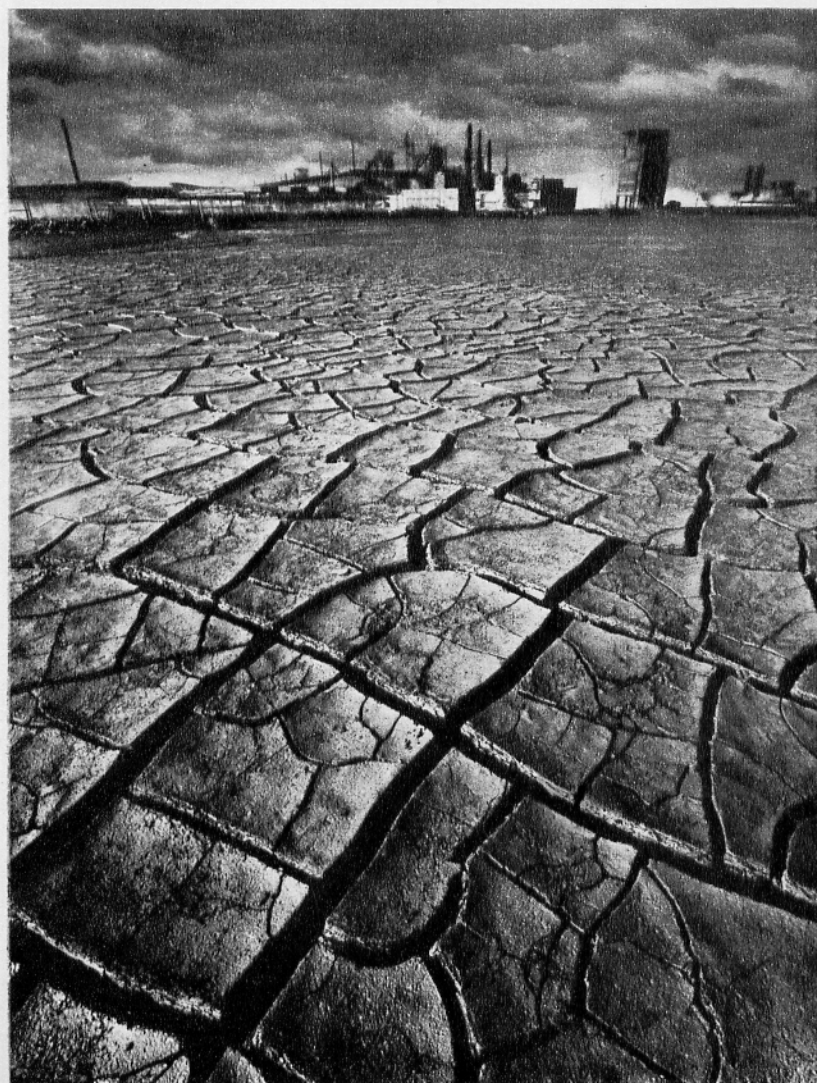
ТРЕВОЖНАЯ ХРОНИКА

Человек — властелин в мире природы. Он покорил ее, заставил служить себе. В его руках судьба целой планеты. Вот какого могущества достигли мы в нашем славном двадцатом веке.

Будет ли это могущество мудрым и дальновидным — вопрос, который стоит в повестке дня.

Тревожные снимки появляются на страницах газет и журналов, на телевизионных экранах. Следы неосмотрительной человеческой деятельности иногда становятся раной на лице Земли — незаживающей, порой непоправимой. Проблемы экологии волнуют сегодня всех. И всех касаются.

Одна из важнейших задач нашего времени — сохранить во всей красоте и многообразии нашу Землю — планету людей, с тем, чтобы она служила людям и впредь. Как будет решена эта задача — зависит от каждого, живущего на нашей планете.

В. БУТЫРИН
Реквием

А. МЕНЬШИКОВ
Пал

П. СИКУЛА
Грозный сосед

В. ШВЕММЕР
Кто это сделал?

ПРОФИЛЬ
МАСТЕРА

«ЭТОТ РЕЗКИЙ ПРИЧУДЛИВЫЙ РОСЧЕРК»...

В. КИЧИН

Фото
Виталия
БУТЫРИНА

Земляника

Легенда

Девочка в круглых очках стоит на морской пене, как на тверди земной. И ножки ее, тоненькие, как копытца, уверенно упираются в зыбкое марево морского прибора. А в небе, в невероятных облаках, угнездился игрушечный петушок.

Фантасмагория?..

Лицо старой женщины словно высечено из ствола старого дерева — морщины кожи, как морщины коры, а вдали — стройная юная поросль.

Да полно, фотография ли это?

Фотография фиксирует реальное, то есть в жизни хотя бы однажды происшедшее. И вдруг здесь, в этих снимках-коллажах, из деталей привычного мира, как из детского конструктора, собран мир другой — неожиданный, небывалый, исполненный нового смысла.

И тем не менее — реальный.

Рассматривая фотографии, мы обычно как бы восстанавливаем прошедшее: вот как это было. Здесь иное: в снимках словно отразился не факт жизни, а ход мысли автора, система возникающих у него образных связей.

Это, конечно, близко к опасной грани. Чуть-чуть в сторону — и легко увлечься чисто формальными конструкциями, парадоксами ради парадоксов, уже без смысла и с единственной целью — удивить, поразить, шокировать, может быть, напугать. Повторять зады сюрреализма — для фотографии дело малопочтенное.

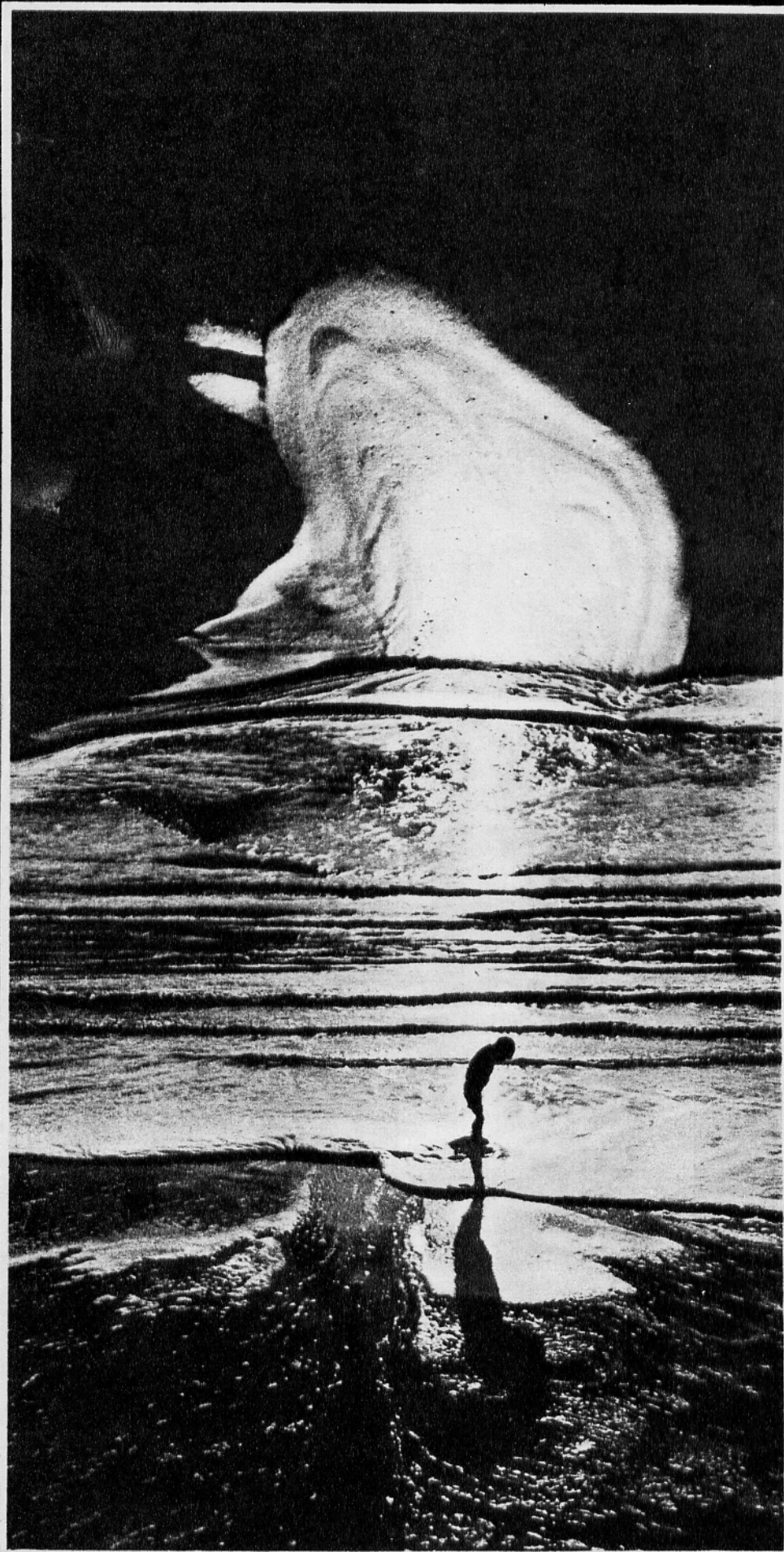
Но это «чуть-чуть» — совсем в другой стороне. Здесь разница принципиальная, ибо в снимках вильнюсца Виталия Бутырина образные связи не эпатажные, а осмысленные. Истоки его метода — не в творчестве Дали

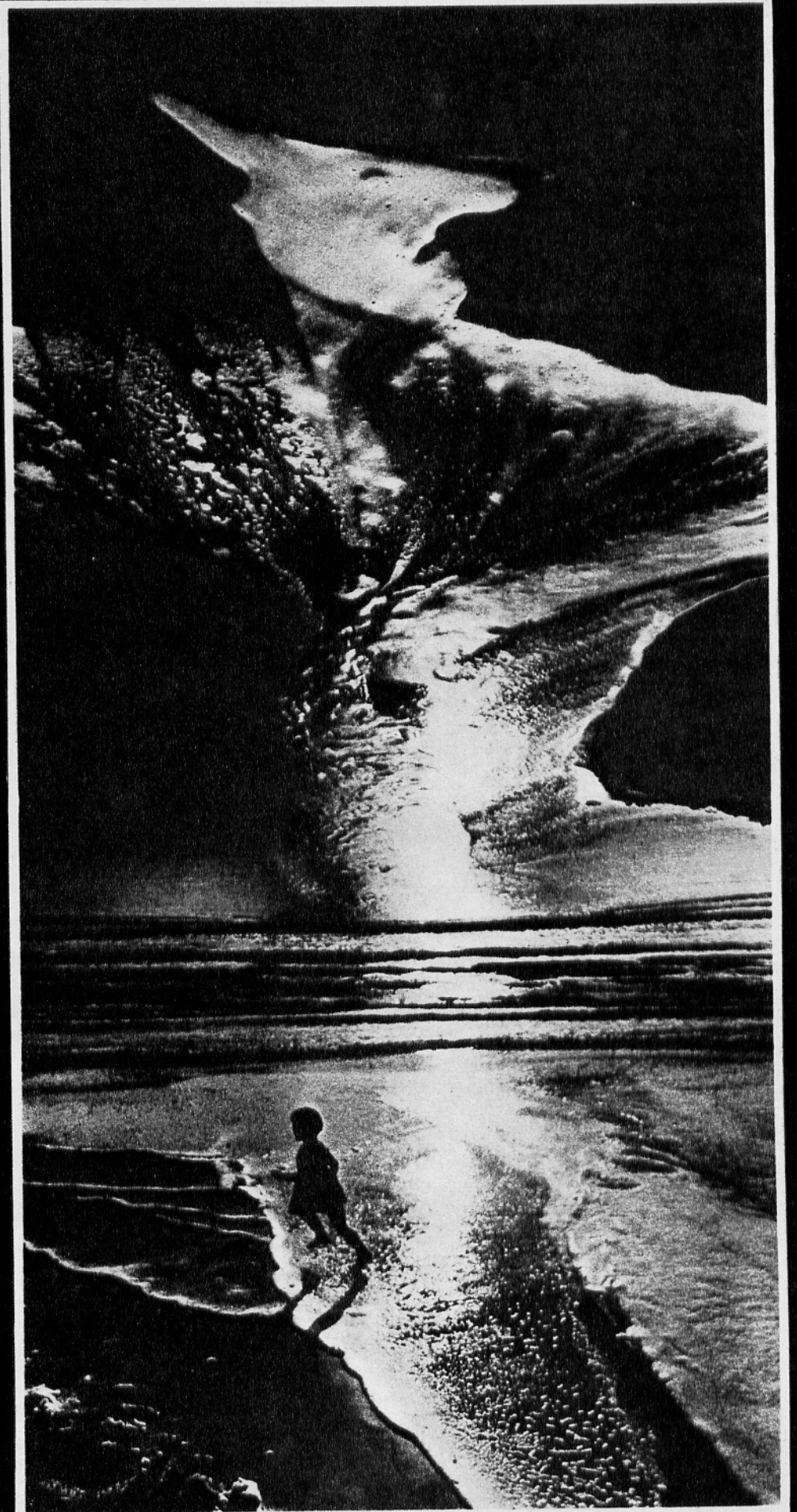
или Босха (которого, впрочем, Бутырин очень любит), а в земных аллегориях Чюрлениса, в поэтических метафорах Межелайтиса. «Осознать, обобщить, синтезировать реализм жизни» — также и его художническая потребность. Но только своими методами, фотографическими.

Сегодня, в эпоху взаимопроникновения искусств, фотографии тесно на привычном пяталке. Идти вслед за жизнью — значит ли это идти след в след? Документальная природа светописы ясно обозначила ее первый путь — но единственный ли? Может ли она, как живопись, как музыка, иметь своих лириков и симфонистов, своих поэтов, свои акварели и гротески? Об этом спорят — пока больше на практике, чем в теории, но в спорах и рождается истина, а в искусстве главный аргумент — результат. Волнует или не волнует? Рождает ли новые мысли, идеи, переживания, творческие импульсы?

Фотографии Виталия Бутырина обязательно останутся ваш взгляд. Сначала необычностью. Потом — какой-то почти музыкальной гармонией, графической красотой. Высокой степенью образности — такая концентрация обычно не свойственна жизни, она рождена уже не просто авторским видением, но авторской мыслью и чувством. Мы общаемся, рассматривая снимки, не столько с реальностью, сколько с самим автором и его внутренним миром. Снимки обнаженно лиричны, доверительны в своей искренности, они адресованы другу и единомышленнику и не рассчитаны на скептиков.

Скептик обязательно задаст сокрушительный вопрос: ну, разве бывает морской прибор на небесах?

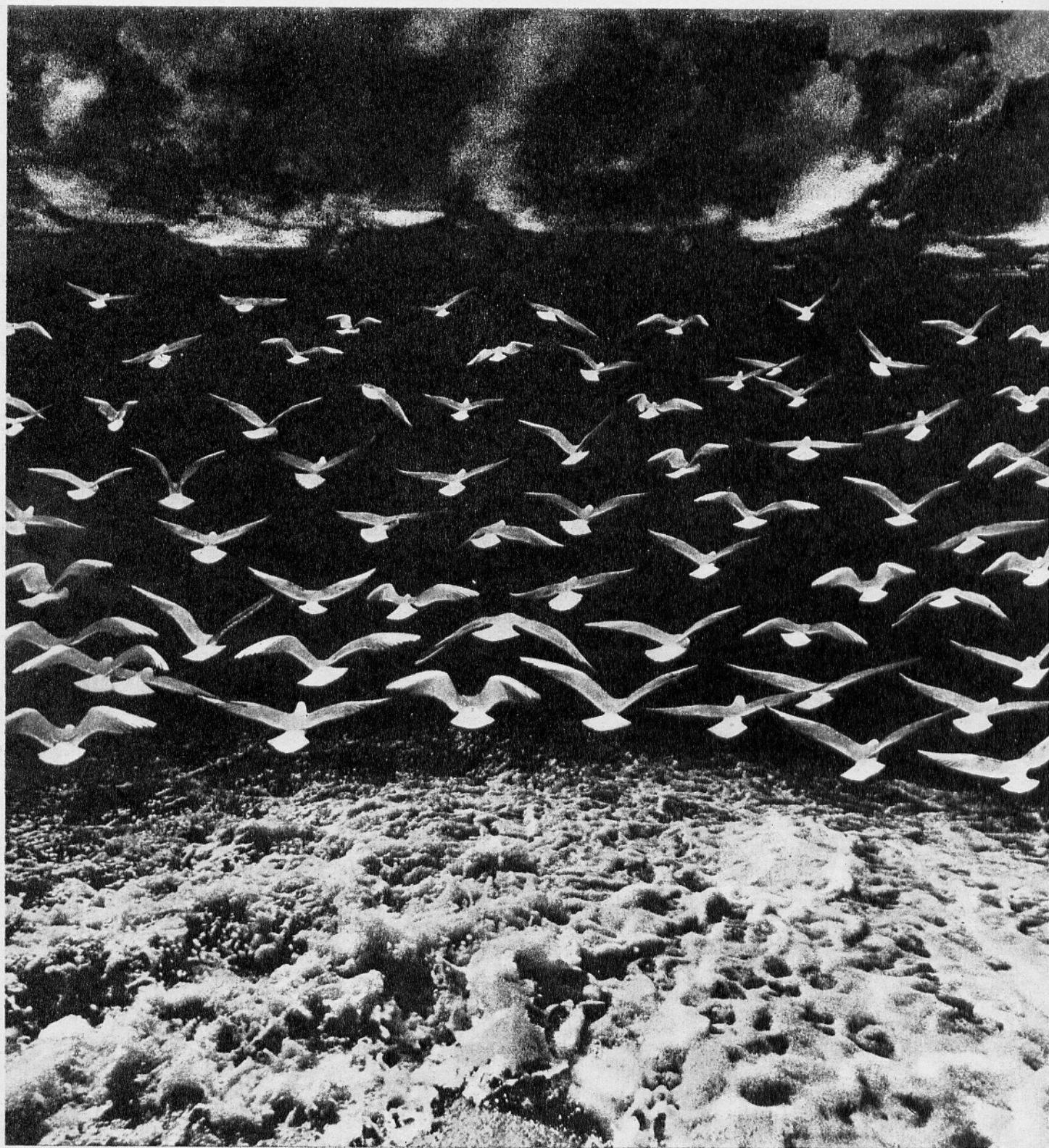

Фото
Виталия
БУТЫРИНА

Аппassionата

К стр. 38—39

Из серии
«Сказки моря»:

Сказка
о маленьком пингвиненке

Сказка
о жар-птице

Сказка
о морском дьяволе

Нет, не бывает — ответит документальное искусство, каким привыкла считать себя фотография. Все зависит от точки зрения — ответит искусство поэтическое, «...что, как собственные владения, небеса перекраивает,

и каждый этот отрезок превращает потом

в удивительные виденья, фантастические цветные

виденья фресок». Может ли фотография быть искусством поэтическим?

Мертвая птица на песке. Острые крылья, словно руки в мольбе, подняты ввысь. Пенистые, тяжелые волны нависли сверху, там, где небо. (Снимок напечатан на стр. 34.)

Громады железобетонных зданий врезаются в облака. А ниже, под глинистым обрывом, вросший в землю металлический лом, которым так загромождена сегодня наша Земля. Урбанистический мотив звучит здесь тревожно, потому что не может быть гармонии там, где вместо цветов растет ржавый металл.

Что это? Фотоплакаты по экологическим проблемам? Но в снимках нет плакатной ясности, категоричности выводов, четкой утилитарности. Есть поэтический образ — материя, которая действительно не так часто встречается пока в фотографии. Есть состояние души автора, которое по прямому проводу искусства передается нам, зрителям.

Бутырин создал фотопозму «Сказки моря». Это попытка запечатлеть при помощи фотокамеры летучие, ускользающие образы, которые ежесекундно рождает морской прибой. Такие образы воспламеняли не раз воображение поэтов и живописцев — Бутырин почувствовал, что вот здесь-то, должно быть, территория исконно фотографическая. Ну, действительно: реальность, ничего, кроме реальности, не запечатлевает фотокамера. Существуют и этот морской дракон на песке, и «хитрый лисенок», и «злой ежик», и даже сказочная жар-птица —

«...странная птица, из тех, что мы не видали, из тех, несомненно, живущих в сказочных рощах, летит и летит, пробиваясь

к солнечной дали, этот резкий причудливый росчерк». Фотограф всегда делит авторство с непредсказуемо текущей жизнью; вот и здесь, хоть первый автор узоров на песке — морской прибой, но поэтические образы принадлежат фотодожнику. Природа для него — источник не только вдохновения, но и фантазии.

Не таков ли, собственно, древний механизм рождения народной фантастики? И, как в фольклорных сказках, фотограф позволяет себе трансформировать контуры знакомого мира — он меняет местами небо и море, и его жар-птица тяжело взлетает из-за горизонта, осеня крылами весь мир.

Сам творческий метод, избранный Виталием Бутыриным, предполагает обращение к образам повышенной содержательности. К размышлениям философского ряда. Здесь — водораздел, отделяющий эти снимки от фо-

тографического трюкачества. Охраняющий от упреков в формализме: в необычной форме мы читаем глубокий и серьезный смысл.

«Проходных», случайных снимков у Бутырина, как ни странно, просто нет. Негативов, разумеется, множество — он их хранит, как заготовки, как сырье для будущих произведений. Показывает же только готовые работы — их не так много, и каждая требовала сил и времени. Есть среди них снимки, для создания которых использованы десятки негативов — «Аппассионата», например. Десятки увиденных в жизни штрихов и деталей сошлись в очень неожиданном подчас соседстве, чтобы возник единый, емкий фотообраз, сила которого — в его фантастической реальности. В реальности фантазии.

Вообще техника — порой довольно изощренная — занимает в творчестве Бутырина немалое место. Но он о ней специально не думает — просто пользуется для выражения своих художественных идей. В полном соответствии с мыслью поэта Евгения Винокурова о том, что техника — «дело великое, но ее задача не ремесленная, а родовспомогательная».

Бутырин принадлежит к тем художникам, которые видят (или стремятся увидеть) мир в его целостности, в его гармонии или дисгармонии, а бытие — в его философской наполненности. Как Межелайтис, которого совсем не случайно мы так щедро здесь цитировали, он исповедует союз «романтических порывов и реалистического анализа». Его поиски — в русле актуальных исканий современной поэзии (если понимать это слово — поэзия — в широком, а не в профессиональном только смысле).

Отсюда — особая, далеко не открытая поверхностному взгляду роль, которая принадлежит в его снимках человеку.

В композициях этих фотографий человек — и главный герой и «клеточка в пространстве и времени». В нем может быть воплощена мудрость большой прожитой жизни. Или лукавое обещание будущего. Он включен в окружающий мир естественно и свободно, неразрывно с ним связан — так, что и сам мир как бы перестает существовать вне человека.

В пантеистическом вихре природных стихий обитают дети, играющие на песке в фотосерии «Сказки моря» (это большая серия, мы печатаем лишь фрагмент, лишь три из множества «сказок», снискавших уже не одну награду на международных фотовыставках). Дети здесь свои, в этом царстве раскованного, дерзкого воображения — их жар-птицами не удивишь.

Субъективность точки зрения, фотографическая «игра», затейная художником, оказываются глубоко содержательными — в них ключ к душевному миру детства, в них мысль о нерасторжимости связей человека с природой.

Что бы ни снимал Бутырин, он во всем стремится увидеть, передать, заново осмыслить эту связь. Человек в его фотографиях — часть природы, ее дитя и ее властелин. Он вторгается в окружающий его живой мир мудрым преобразователем, пытливым исследователем, создателем и мечта-

телем. Эти снимки чаще всего романтические, светлые, несуетные и, я бы сказал, умудренные по своей интонации. Но человек, создавая свою индустриальную среду, может и разрушать попутно вековые и необходимые связи с природой — связи потаенные, глубинные, не всегда сразу видимые, и потому особенно тонкие и хрупкие. Тогда снимки становятся тревожными.

...Почетное место и в мыслях, и в фотографиях Бутырина занимает космос. Космос будоражит воображение — хочется представить неведомое. Здесь добрые помощники — писатели-фантасты: Стругацкие, Лем, Вредбери, Кларк... Но то, что можно написать, то, что можно изобразить кистью и красками, — как передать при помощи объектива, умеющего видеть лишь доступное глазу? Целая серия «Терра инкогнита» — это попытка Бутырина примирить достоверность фотографии с вольным полетом фантазии. Именно на слове «достоверность» сделал бы я здесь акцент — вновь качество, в котором фотография не знает конкурентов, придает рожденной воображением серии снимков неожиданную, производящую почти шоковое впечатление реальность. И в этом тоже есть глубокий смысл: фотограф, как и художник, создает свои космические миры из земных атомов.

Но это особая тема — фантастика в фотографии. В области фантастики работают — увлеченно и изобретательно, с разной мерой успеха, но с преданностью, заслуживающей уважения, — уже многие фотографы в нашей стране и за рубежом. Бутырин — обладатель многих авторитетных призов, но участием своим в международной выставке «фотофантастов» особенно дорожит. Весьма скептически относится к иным формалистическим опытам, без которых такая выставка, конечно, не обошлась. Но уверен, что область эта — поистине «терра инкогнита» для фотографии, земля, тающая еще многие увлекательные возможности...

Так может ли светиться быть искусством поэтическим? Искусством творческим в том прямом смысле, что оно не только фиксирует, но и творит, то есть создает нечто новое, не повторяющее, не копирующее натуру?

В этом давнем споре работы Бутырина, по-моему, — весомый аргумент. Ведь отстаивая чистоту фотографической территории, легко впасть в крайность, в пуризм. А это малоплодотворная позиция, как доказывает опыт смежных искусств. Так, было время, ревниво берег свою «театральность» театр. Так, кино больше всего опасалось сценической условности, открытого лицедейства.

Сегодня все смешалось.

И выяснилось, что стало не хуже. Стало — интереснее. Взаимодействуя, осваивая новые возможности, искусства открывают неведомые ранее глубины человековедения.

Виталий Бутырин отважно перешел традиционные границы фотографии. Ему очень хочется выяснить — что же там, за горизонтом?

Практика покажет.

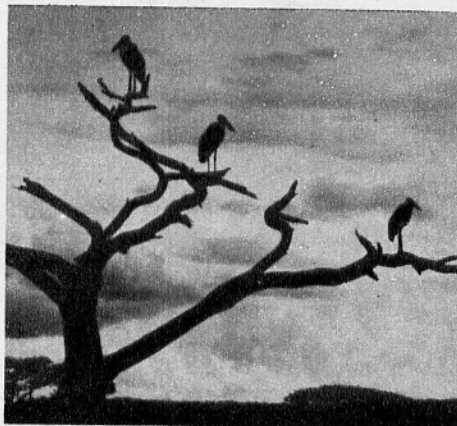
А пока мы растаемся с Бутыриным на пороге новых планов и надежд...

ЗОЛОТОЙ ФОНД НАУКИ

А. БАННИКОВ,
профессор

Научная значимость фотографии как документа стала очевидной со дня ее рождения. Для наук о живой природе значение фотографии непрерывно и стремительно нарастало. Сегодня нельзя себе представить работу эколога, этолога, зоогеографа, специалиста в области охраны природы без фотографии как части первичной научной документации, как материала для научного анализа и иллюстрации закономерностей.

Вместе с тем, получить необходимую фотографию животного —

А. БАННИКОВ
Спящие марабу.
Кения

Г. СЕВАСТЬЯНОВ
Сова неясыть

дело далеко не всегда легкое. И не только потому, что оно требует от снимающего известной профессиональной подготовки. Нередко животные ведут скрытный образ жизни, они осторожны, обитают в труднодоступных местах, а иногда встречи с ними просто очень редки.

Так, в течение многих лет мы готовили Красную книгу СССР (которая в этом году должна выйти в свет), предполагая дать фотографии 125 видов зверей и птиц, в нее внесенных. Фотографии были бы неотъемлемой частью важнейшего документа, каким является Красная книга, и способствовали бы четкой дифференциации видов и подвидов, находящихся под угрозой исчезновения и требующих специальной заботы человека. Однако наш замысел оказался невыполнимым. Несмотря на то, что мы запросили всех известных нам фотографов-анималистов, пересмотрели фототеки многих заповедников, разослали письма в десятки адресов, собрать удалось лишь немногим больше половины необходимых снимков редких зверей и птиц в природе. От фотографий пришлось отказаться и заменить их рисунками, что резко снизило научную документальность иллюстрированной части Красной книги.

Сейчас начата подготовка альбома-книги «Животный мир Советского Союза». Это издание предусматривает включение нескольких сотен цветных и черно-белых фотографий наиболее типичных и интересных видов животных всех ландшафтно-географических зон нашей страны. И опять сталкиваемся с той же проблемой — сможем ли мы за два года, которыми располагаем, собрать необходимые фотографии?

Экологи и особенно этологи, то есть те, кто заняты изучением закономерностей образа жизни и поведения животных, постоянно испытывают острую необходимость в фотографиях как документах, показывающих взаимоотношения брачных пар, отношения между молодым и родителями, способы добывания корма различными животными, конкурентные взаимоотношения между видами и другие формы поведения животных. Такие фотографии-документы получить бывает особенно трудно.

Наконец, для популяризации биологических знаний и идей охраны природы фотографии животных, особенно редких, имеют исключительное значение. Невозможно представить себе без них книжку или статью о природе. Но найти нужную иллюстрацию, а тем более сделать снимок, зачастую не удается.

Вместе с тем, в экспедиции, туристические походы, на экскурсии и обычные прогулки десятки, сотни тысяч людей берут с собой фотоаппараты. Они могут сделать столь необходимые и неповторимые, уникальные кадры. Научная значимость таких фотографий исключительно велика. Это золотой фонд биологической науки, который трудно переоценить и который нельзя держать под спудом.

Я думаю, что настало время создать специальный «Банк фотографий природы» при одном из научно-исследовательских учреждений, например при Центральной научно-исследовательской лаборатории охраны природы. Такой «банк» сможет «субсидировать» ученых и издательства копиями необходимых фотографий, а «вкладчики» в этот «банк» могли бы получать достойное вознаграждение за свои снимки.

Однако я не могу не напомнить всем снимающим диких животных в природе, что эти фотографии должны сохранять естественность обстановки, делаться без всяких «улучшений» ее и тем более без декораций.

Следует также помнить, что человек с камерой может быть и существенным фактором беспокойства. Категорически нельзя гоняться за объектом съемки на автомашине или моторной лодке, часами сидеть у гнезд, мешая прилетать родителям к гнезду с яйцами или птенцами. Нельзя подстергивать зверя у его норы или логова с детенышами. Может случиться, что страх перед опасностью пересилит родительский инстинкт и зверь покинет свое потомство. Все это повлечет за собой гибель иногда очень редкого животного.

Такой фотограф нанесет не меньший урон живой природе, чем браконьер с ружьем.

Бережное отношение к объекту съемки — первое и обязательное правило фотографа-анималиста.

ПОДВОДНАЯ ФОТООХОТА — НОВЫЙ ВИД СПОРТА

Республиканский Морской спортивно - технический клуб совместно с Федерацией подводного спорта УССР вот уже пять лет проводит соревнования по новому виду спорта, объединяющему подводное плавание и фотографирование. Эти соревнования с каждым годом становятся все более массовыми и привлекают в свои ряды новых поклонников из числа спортсменов-подводников и фотолюбителей. Здесь можно помериться умением и ловкостью, выслеживая животных и фотографируя их в сложных, непривычных условиях. Участники соревнований объединяют влюбленность в фотографию и романтику моря. Все они сторонники ограничения, а многие — и запрета подводной охоты с ружьем. В состав каждой команды входят три спортсмена, тренер и лаборант, обязанностью которого является обработка фотопленки, отснятой участниками команды. Необходимое снаряжение команды: фототехника, осветительная аппаратура, походная фотолaborатория. Кроме того, спортсмены должны иметь полный индивидуальный комплект подводного снаряжения: акваланг, гидрокостюм, страховочный буй, подводный нож, компас, глубиномер. Съемка ведется только на цветную обрабатываемую пленку. На фотографирование отводится три часа. После маркировки пленок дается общий старт, и участники рассредоточиваются на отведенной акватории. В строго определенное для каждой команды время они собираются у неподвижной цветной мишени и фотографируют

ее. Это обязательное упражнение. Мишень представляет собой прямоугольник размером 50×75 см, на который нанесены семь основных цветов спектра, черный, белый и обозначены границы кадра. Мишень устанавливается на глубине 5 м с таким расчетом, чтобы съемка велась «на плаву». Снимок, на котором мишень точно поместилась в границы кадра, и продемонстрировавший правильную цветопередачу, получает максимальное количество баллов. Искаженная цветопередача и неточность кадрирования штрафуются. После съемки мишени начинается фотоохота. В зачет принимаются только резкие слайды. Объект съемки должен занимать в кадре не менее одной шестой его длины. Каждый принятый в зачет слайд оценивается судьями по трем критериям, учитывающим расстояние, с которого был сфотографирован объект (чем крупнее план, тем выше балл), степень его подвижности, правильность цветопередачи. Оценка за каждый последующий слайд с одним и тем же объектом съемки резко снижается. Это обязывает участников снимать наибольшее количество видов подводных обитателей. За два дня соревнований участник должен отснять две пленки и после обработки сдать их судейской коллегии, в состав которой входят специалисты — биологи и фотографы-профессионалы. Количество зачетных слайдов ограничено двадцатью, они помечаются на пленке автором. Каждая пленка начинается и оканчивается специальной маркировкой. После соревнований проводятся выставки аппаратуры и конференция. Такие соревнования — не только спорт и фотоохота. Это состязание инженерной и конструкторской мысли. Выставки демонстрируют большое разнообразие используемой аппаратуры, изобретательность участников соревнований. Наибольшее внимание привлекают фотобоксы, отличающиеся универсальностью и простотой изготовления. Многие из них — самодельные. Практика проведенных чемпионатов показала, что фотобоксы и импортные герметизированные фотоаппараты промышленного изготовления при использовании их для подводной фотоохоты, где часто производится макросъемка, требуют специальной доработки. Снимать на глубинах свыше 6—7 м без искусственного освещения на цветные пленки нецелесообразно из-за низкой освещенности и преобладания синего цвета. Наибольшую трудность для подводного фотографа представляет определение экспозиции. Большая интенсивность рассеянного света, изменение его спектрального состава под водой делают общепринятую градуировку фотозаспонометров для подводных съемок непригодной, а на глубинах более 7 м экспонометр практически не нужен, поскольку для получения полноценного цветного снимка необходима лампа-вспышка. Тем не менее необходимые для глубоководных съемок герметизированные лампы-вспышки не выпускаются вообще. Харьковские фотографы-подводники пришли к выводу, что оптимальная энергия вспышки при съемке на глубинах более 7 м, когда естественным светом можно пренебречь, должна равняться 100 Дж, и составили таблицу для пленки «Орвохром» UT-18.

Они мешают ей воспроизводиться и нарушают нормальные экологические процессы». Наше Черное море не исключение. Масса подводных обитателей истребляется нерегулируемой подводной охотой и вылавливается на сувениры. По-видимому, из-за этого в Одесском заливе исчез морской конек — украшение подводных ландшафтов. Резко сократилась численность травяного и каменного крабов — этих неутомимых санитаров морского дна. Есть места побережья, где море не справляется с переработкой токсичных отходов деятельности человека. Это зоны «замора» — места, полностью лишенные жизни. Нам далеко еще не все известно из того, что нужно знать о море. Поистине удивительная сокровищница не только материальных, но и духовных богатств для человека, оно только начинает открывать нам свои кладовые. Подводные фотоохотники — люди, увлеченные этим необыкновенным миром. Они способствуют накоплению знаний о его жизни, распространению этих знаний, а значит, содействуют охране и умножению его ресурсов, которые еще вчера казались нам неисчерпаемыми.

Ю. ЗАЛЕССКИЙ,
Харьков

Расстояние до объекта, м	Диафрагма
1,0	1:8
1,5	1:5,6
2,0	1:4
3,0	1:2,8
4,0	1:2

Приведенная таблица разработана Сергеем Глущенко, чемпионом Украины по подводному фотографированию. Заканчивая рассказ о новом виде спорта — подводном фотографировании, приведем слова известного ученого-океанолога Жака-Ива Кусто: «Мы ослеплены заманчивым зрелищем подводных сокровищ, но главное богатство океана не материальные ресурсы, а вдохновение и радость, которые можно черпать из него бесконечно! Мы же рискуем навеки отравить море, когда только только начали постигать, что оно может дать науке, философии, искусству...» И далее: «...Ныне во всем мире свыше пяти миллионов подводных охотников. Они бьют рыбу в ее доме, где она практически беззащитна.

ВНИМАНИЮ ЛЮБИТЕЛЕЙ!

Ремонт фотоаппаратов «Пентакон-сикс TL» и «Практика» всех моделей, выпуска после 1972 года, производится по адресу: 129243, Москва, ул. Космонавтов, д. 8. Тел. 283-59-85. Заказы принимаются на месте и по почте. Очередность ремонта устанавливается в порядке поступления заказов. Фотоаппараты, направляемые на гарантийный ремонт, необходимо сопроводить соответствующими документами. Пересылаемая по почте фотоаппаратура должна быть в жесткой упаковке, с объявленной ценностью, равной стоимости фотоаппарата. На упаковке необходимо указать вид ремонта (гарантийный, бытовой).

В ПОМОЩЬ НАЧИНАЮЩИМ

ПРАВИЛА ОБРАЩЕНИЯ С ОПТИКОЙ

Фотоаппарат, сменные объективы, фотоэлектрический экспонометр, увеличитель — сложные и точные оптико-механические и электронные приборы, требующие бережного, умелого обращения и ухода. От их правильной эксплуатации и условий хранения в значительной степени зависит, сколь долго и надежно они будут вам служить.

Следует помнить те несложные правила, выполнять которые должен каждый фотограф.

1. Оптико-механические и электронные фотоприборы рекомендуется хранить вдали от источников тепла. Нагрев аппаратуры вызывает разжижение и растекание смазки по внутренним и внешним поверхностям линз, оправ и деталей, быстрое старение и выход из строя резиновых деталей, порчу химических источников тока — батарей и элементов, питающих экспонометрические устройства и электронные затворы фотоаппаратов. Очень важно защищать от нагрева объективы, особенно снабженные прыгающей диафрагмой, так как при попадании смазки лепестки диафрагмы слипаются. Очень часто после временного нагрева (3—4 часа под солнечными лучами) и последующего охлаждения пары масел конденсируются в виде маленьких капель на внутренних поверхностях линз, что приводит к повышению светорассеянию внутри объектива и к коррозии просветляющих пленок.

2. Для предупреждения коррозии объективы, фотоаппараты и принадлежности к ним следует тщательно защищать от воздействия химически активных сред, вредных газов и испарений. С этой целью используется герметичная упаковка (полиэтиленовые пакеты, пластмассовые футляры, и т. д.). Нельзя держать аппаратуру и принадлежности в свежесготовленных деревянных столах или ящиках — в первый год древесина интенсивно выделяет газы. Выберите

место для хранения подальше от кухни: испарения от приготовляемой пищи могут оседать на деталях в виде трудноустраняемого налета. Избегайте сырых помещений, где влажность воздуха превышает 60—70%. Сырость вызывает коррозию металлических деталей и приводит к порче оптики.

3. При фотосъемке аппаратуру и сменные объективы нужно самым тщательным образом оберегать от механических повреждений, грязи, пыли, песка и атмосферных осадков. Кофр с уложенной в нем фотоаппаратурой или фотоаппарат в футляре следует защищать от длительного воздействия прямых солнечных лучей.

Зимой, для защиты от замерзания, фотоаппарат лучше всего держать под верхней одеждой, доставляя его лишь на время экспозиции*.

4. В зимнее время фотоаппаратуру, внесенную в помещение, нельзя сразу распаковывать. Выдержите ее в течение 2—3 часов в закрытом кофре или футляре, иначе на поверхности аппаратов и объективов будет конденсироваться влага. После каждой фотосъемки необходимо хорошо протереть сухой хлопчатобумажной салфеткой все внешние поверхности фотоаппаратуры, а с поверхности линз объективов пыль и грязь удалить струей воздуха из резиновой груши и мягкой хворьковой или беличьей кистью. Кисти для чистки оптики храните в специальных футлярах, защищая их тем самым от загрязнений.

Не забывайте удалять пыль и частички пленки из фильмового канала фотоаппарата и очищать от пыли кассеты для фотопленки. В этом может помочь пылесос и слегка увлажненная хлопчатобумажная салфетка.

5. Особое внимание нужно уделить уходу за поверхностью линз объективов. К ним ни в коем случае нельзя прикасаться пальцами, протирать их ватой или замшей. Для удаления загрязнений можно использовать либо чистый эфир, либо его смесь со спиртом в пропорции 3:1.

* Активность батарей питания, электронных узлов современных камер заметно снижается на морозе. К примеру, последние модели камер «Асахи Пентакс» «МХ» и «МЕ» начинают отказывать уже при температуре -5°C.

Для чистки поверхности линз с них вначале снимают пыль струей воздуха или кистью, а потом протирают хлопчатобумажной салфеткой, смоченной эфиром, — всю линзу круговыми движениями от центра к краю, без нажима. При этом недопустимо обильное смачивание салфетки эфиром-спиртовой смесью: проникая между оправой и линзами, она может привести к образованию подтеков и к расклеиванию блоков линз.

Протирать линзы нужно как можно реже, лишь в самых крайних случаях, поскольку при этом на их поверхности неизбежно появляется сетка микроцарапин, ухудшающая качество изображения.

Д. СТАРОДУБ

РЕТУШЬ ОТПЕЧАТКОВ

Вы отпечатали снимок. Перед этим тщательно промыли пленку, сполоснули ее в мыльном или уксусном растворе, повесили на сушку, протерли досуха со стороны подложки чистым платком и высушили. Во время печати осмотрели и протерли прижимные стекла рамки увеличителя. Все предосторожности соблюдены. Однако отпечаток получился с заметными дефектами. Это естественно. При увеличении стали заметны царапины, белые точки, а на самом видном месте отпечаталась белая ворсинка. Не огорчайтесь! Исправить мелкие технические дефекты поможет ретушь. Простейшую ретушь можно сделать, имея всего лишь три предмета: кисточку № 1 (беличью или колонковую) с упругим и тонким кончиком ворса, черную чертежную тушь и скребок, сделанный из скальпеля. Следует позаботиться о хорошем освещении. Для разведения туши до нужного тона потребуется вода. Увлажнив кисть водой и коснувшись туши, подбираем плотность тона. Кисть при этом должна быть почти сухой, чтобы не образовывались капельки на поверхности отпечатка. Наносим черные или серые точки, тонкие мазки, «закроем» белые пятна и царапины. Регулируя размер точки, полученной с помощью

кисточки, можно добиться полного «исчезновения» светлых дефектов. Черные риски и пятнышки следует удалять скребком. Чем тоньше и острее заточить его острие, тем тоньше и ровнее будет скребемый слой. Чтобы не образовывались «задиры» на поверхности отпечатка, желательнее держать его слегка на весу, а скребком двигать только в одном направлении. Имея некоторый навык в работе и пользуясь хорошим инструментом, можно убирать даже небольшие детали и излишки плотности, а следы работы сделать достаточно незаметными. Такую простейшую ретушь следует проводить после глянцевого. Более качественную и сложную, меняющую тональные соотношения значительных по размерам поверхностей, лучше делать на высушенном отпечатке без глянца. Большую часть работы в этом случае можно выполнить карандашом «Ретушь» № 2. При ретуши карандашом следует положить под отпечаток стекло или любую другую гладкую и твердую поверхность, так как для получения достаточно плотного серого тона приходится сильно нажимать на карандаш. Чтобы карандаш лучше «ложился» на гляцевую фотобумагу, ее можно протереть спиртом и дать подсохнуть. Излишки карандаша стираются сухим ватным тампоном. Однако карандаш не дает максимального черного тона и, чтобы получить его, нужно использовать тушь «Кальмар», выпускаемую в тюбиках, разводя ее водой по мере надобности. На обрезке фотобумаги можно проверить плотность красителя, взятого на кисть. Начинать заделку следует с дефектов, расположенных на темных участках, и по мере разведения туши водой и переноса ее с кончика кисти на отпечаток, переходить на более светлые участки изображения. Для исправления tonальной неравномерности самых светлых участков можно воспользоваться грифельной пылью от карандаша «Ретушь», втирая ее ватным тампончиком или кистью в поверхность отпечатка. Завершающей будет работа скребком. Закончив ее, отпечаток погружают на 10 мин в непоточную воду для повторного разма-

чивания (карандаш и несмываемая тушь при аккуратном обращении не смываются). После холодного глянцевого отпечатка (до 40°C) ретушь становится почти незаметной и достаточно прочной. При горячем глянцевании (свыше 40°C) тушь на отпечатке расплывается. Фотобумага с матовой поверхностью, помимо перечисленного, позволяет применять для ретуши обычные графитные карандаши, карандаши «Живопись», акварельные краски, гуашь и темпера. Стойкость карандашной ретуши на бумаге с различной поверхностью не одинакова. На матовой бумаге она слабее, чем на полуматовой. Наибольшую прочность карандашная ретушь имеет на глянцевой бумаге с последующим накатом.

Труднее всего поддается ретуши фотобумага со структурными поверхностями, так как следы ретуши, и особенно скребка на ней наиболее заметны. Для надежного предохранения отпечатка, имеющего сложную и нестойкую ретушь, можно предложить покрытие — полимерный лак.

Лак наносится на отпечаток путем погружения его в ванночку с раствором. Излишки раствора дают стечь и подвешивают отпечаток для просушки. Учтите, что покрытие лаком делает отпечатки, выполненные на фотобумаге с различными структурными поверхностями, одинаково глянцевыми.

Обратимся к примеру. На отпечатке (фото 2) выявились следующие механические дефекты: белые точки над спиной зубра, царапины на его лбу, роге и горизонтальная царапина, проходящая по всему изображению. Случайными оказались на снимке сухие ветки, словно пронзающие морды животных, неестественно яркими получились стволы деревьев и поленья на земле. Все это исправлено с помощью ретуши (фото 1). Отпечаток высушен без глянцевания. Царапины убраны с помощью несмываемой туши, белые точки — остро отточенным карандашом «Ретушь». Растушевкой круговыми движениями тем же карандашом приглушена яркость деревьев. Ветки убраны скребком. После этого отпечаток размочен и отглянцеван.

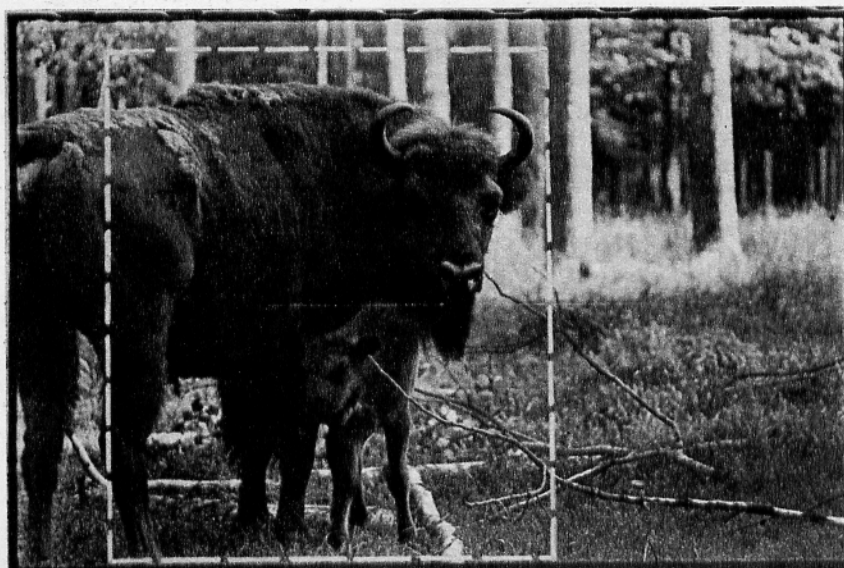

Фото 1

Фото 2

Фото
Алексея
ШКОЛИНА

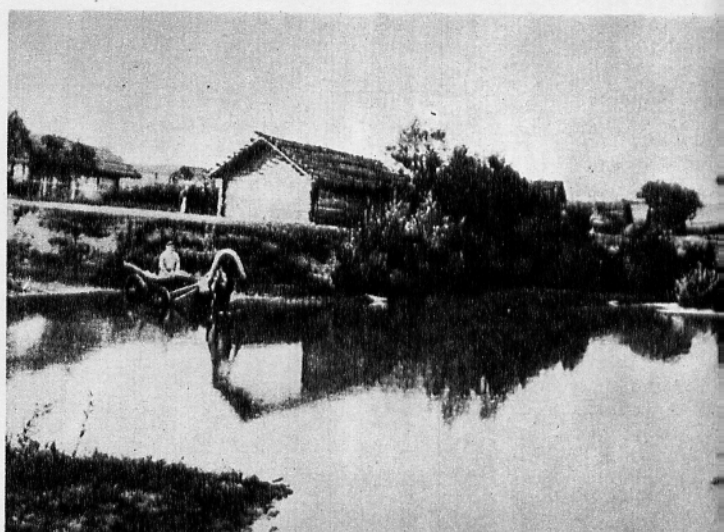
С. АФАНАСЬЕВ

Н. БОБИР
Распутье.
1899 г.

Н. ПЕТРОВ
Зимний день.
1908 г.

М. ДМИТРИЕВ
Сосняк
за селом Бор.
1909 г.

Н. КРОТКОВ
Брод.
1907 г.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В ТРАДИЦИЯХ ПЕРЕДВИЖНИКОВ

В конце прошлого — начале нашего века обратили на себя внимание такие фотомастера, как М. Дмитриев из Нижнего Новгорода и Н. Бобир из Киева. Их пейзажное творчество было органически связано с живописью И. Шишкина и А. Саврасова, с лучшими традициями художников-передвижников.

Исключительное, как бы программное значение для пейзажистов той поры имела работа М. Дмитриева «Сосняк за селом Бор». Она служила примером того, как отыскивать в родной природе образы большой жизнеутверждающей силы. Снимок этот экспонировался на многих выставках, был высоко оценен печатью. Журнал «Фотографическое обозрение» писал, что пейзаж «достоин Шишкина», что в нем есть «что-то от образа богатырских шишкинских лесов, величавого строя его стволов»*. Рецензент видел

* «Фотографическое обозрение», 1902, № 6, с. 199.

в этой работе мотив, близкий и понятный народу.

Фотолюбитель Н. Бобир, инженер-путеец по образованию, брал уроки рисования у А. Саврасова. Творческой близостью с большим художником-пейзажистом, очевидно, и можно объяснить привязанность Бобира к фотопейзажу.

Впервые свои снимки Бобир экспонировал на пятой фотографической выставке Русского технического общества в Петербурге и получил за них бронзовую медаль. На первом конкурсе Русского фотографического общества в Москве он был удостоен серебряной медали. Бобир — призер крупнейших международных фото-выставок, автор первого в нашей стране пособия по технике видовой съемки — книги, пользовавшейся большим успехом у фотолюбителей. Заметным явлением в начале века было и пейзажное творчество С. Саврасова — племянника выдающегося живописца. Он выбирал скромные уголки природы и, пользуясь мягкорисующей оптикой, создавал пластичные, глубоко лирические картины. Современники видели в них «необычайную простоту и искренность»*. Пейзажной съемкой занимался так-

Н. БОБИР
После дождя.
1900 г.

А. МАЗУРИН
Птицеловы.
1899 г.

И. КОМОВ
Ландшафт.
1908 г.

* «Вестник фотографии», 1911, № 11, с. 324.

же известный новатор-практик и теоретик фотоискусства Н. Петров. «Зимний день» — одно из лучших его произведений. «Законченная картина», «правдивость выхваченной из жизни странички»* — так отзывался о ней другой талантливый пейзажист, редактор журнала «Вестник фотографии» Н. Кротков.

В начале столетия в журнале «Фотограф-любитель», который редактировал С. Прокудин-Горский, появились первые цветные фотографии. Прокудин-Горский и сам был прекрасным пейзажистом. Его работы, по выражению В. Срезневского, стали «венцом фотографии в натуральных красках»**.

Русские фотографы-пейзажисты начала нашего века следовали передовым традициям нового, демократического направления в искусстве. Их поддерживали в этом отечественные фотожурналы, активно выступавшие за утверждение национальной темы в пейзаже. С восхищением писал, например, о русской природе журнал «Фотограф-любитель», сожалея, что ее красота недостаточно отражается в снимках: «За последнее время в за-

граничных журналах уже не редкость видеть наши виды и типы, тогда как мы, русские, их видим, но не воспроизводим»*. Ратуя за демократизацию фотографического искусства, журнал подчеркивал, что образный смысл русского пейзажа не в чем-то необычном, экзотическом, а в простых сюжетах, понятных и близких русскому человеку: «Желающему создать фотографическую картину вовсе не нужно искать каких-то особых предметов в природе, а можно ограничиться самой обыденной местностью»**.

Творчество первых фотопейзажистов дорого нам тем, что оно опровергало бытовавшие тогда теории, согласно которым «бедная» русская природа была недостойна возвышенного искусства. Казалось бы, ничем не примечательные виды родной земли раскрывали в их фотопроизведениях свою красоту и поэзию.

Н. КОЗАЧЕНКО,
кандидат исторических наук

Как осуществлялась видовая съемка сто лет назад?

Много настойчивости, выдержки, терпения надо было проявить человеку, отправлявшемуся тогда на съемку природы. Портативных камер еще не было. Фотограф вооружался громоздким аппаратом, треножником, черным покрывалом. Стекланные пластинки большого размера тщательно упаковывал в отдельный ящик, чтобы не разбить. Кроме того, обязательно брал с собой палатку для лабораторных работ, бутылку с коллодием и склянку с различными солями для очувствления пластинок. Все это снаряжение имело большой вес. Для его транспортировки приходилось нанимать экипаж. Прибыв на место, фотограф устанавливал палатку и, укрывшись в ней, в темноте поливал пластинку жидким коллодием, давал ему застыть, а затем погружал пластинку в раствор азотнокислого серебра. Мокрую пластинку он вставлял в касету и только после этого мог приступить к съемке.

Какими изобразительными возможностями располагали первые фотографы-пейзажисты?

У фотографов семидесятых—восьмидесятых годов прошлого века изобразительные возможности были весьма ограниченными. Ландшафтные объективы годились лишь для съемки видов общим планом. Местность, снятая с возвышенности, при отсутствии переднего плана выходила с хорошо проработанными подробностями дальнего плана. Но если вблизи находились предметы, то объекты первого и среднего планов выходили нерезко. Сочетать планы было невозможно.

Мокроколлоидная эмульсия была чувствительна преимущественно к фиолетовому, голубому, синему участкам спектра. Небо на пейзажных снимках всегда выходило светлым, без облаков, «лысым».

В ветреную погоду при большой выдержке деревья и травы получались сильно размытыми, бесформенными.

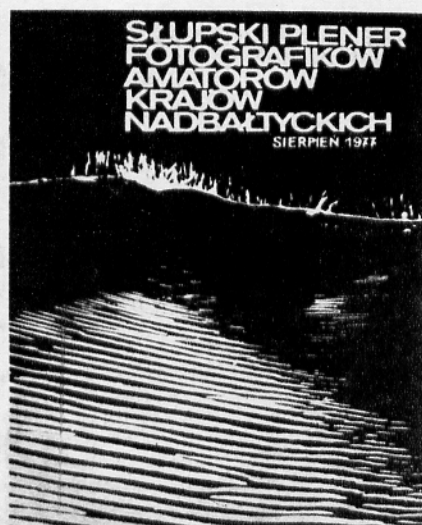
Когда пейзажная съемка заявила о себе как искусство?

Это произошло лишь в начале нашего века, когда фотографическая техника обогатилась значительными усовершенствованиями.

Подробнее о ранней пейзажной фотографии см. в книгах С. Морозова: «Человек увидел все» («Молодая гвардия», 1959), «Русская художественная фотография» («Искусство», 1961) и в книге Н. Бобира «Беседы пейзажиста» (Киев, 1907).

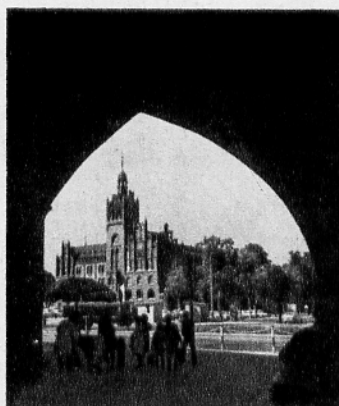
* «Вестник фотографии», 1908, № 1, с. 30.
** С. Морозов. «Русская художественная фотография». М., «Искусство», 1961, с. 109.

* «Фотограф-любитель», 1903, № 6, с. 202.
** «Фотограф-любитель», 1905, № 6, с. 214.

Репортаж
о том,
как проходил
слет,
сделали
эстонские
фотографы
Валдур Вахи
и
Арво Лаурима

«СЛУПСКИЙ ПЛЕНЭР»

Так назывался проходивший в польском городе Слупске слет фотолюбителей прибалтийских стран. В нем приняли участие любители из Финляндии, ГДР, Швеции, Дании, Советского Союза — по два человека от каждой страны и, конечно, гостеприимные хозяева — польские фотографы. Их делегация, кстати, была самой представительной — семнадцать человек.

Участникам было предложено своеобразное творческое соревнование: отобразить в своих снимках красоту окружающих мест — балтийского побережья, слупских земель, Словинского народного заповедника. Заповедник этот является уникальным уголком европейской природы: в нем охраняется единственный в мире комплекс движущихся приморских дюн.

Каждый участник должен был представить не менее четырех фотографий. Впоследствии из этих снимков были составлены две выставки — одна для демонстрации в Польше, другая — для показа в странах-участницах слета. Как раз такая выставка демонстрировалась у нас, в Таллине, весной этого года.

«Пленэр» длился десять дней. Фотографы снимали архитектурные, исторические памятники и другие достопримечательности. Но наибольшее впечатление произвела на всех природа в районе озера Леба. На несколько километров здесь протянулось поле дюн, которое мы сразу окрестили «пустыней». По правилам заповедника для передвижения туристов здесь отмечена полоса шириной в несколько десятков метров. Но для участников слета было сделано исключение. Они могли переходить «запретную границу», оставляя следы на дюнах. Понятно, что «песчаные мотивы» стали излюбленной темой. Конечно, кроме обязательной программы, все снимали что-то для себя.

И вот наступил финал конкурса. Нужно было быстро выбрать и отпечатать конкурсные кадры. Условия работы в лаборатории у всех участников были одинаковыми. Правда, оборудование оказалось непривычным для нас, да и времени на печать выделили немного.

Лучшие снимки экспонировались на заключительной выставке в центре города, в просторном зале читального дома.

Главный приз — Золотой Герб Слупска — жюри вручило Х. Бёрслеу (Дания), члену фотоклуба «КФАК», за работы «Формы и структуры в дюнах у Леба» и «Лес в Смольджино». Второе место завоевал З. Харасим (ПНР) за снимок «Слупский Дом торговли». Третье место присудили П. Кайровскому (ПНР) за фотографию «Око пустыни». Кроме того, участникам вручили пять специальных призов.

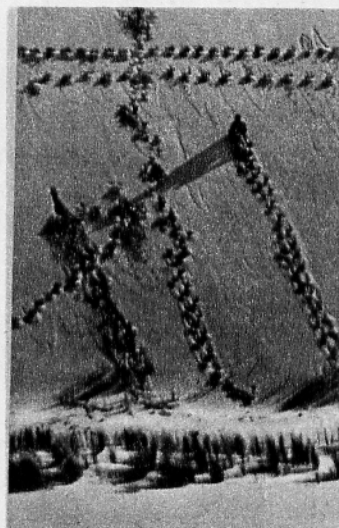
Хочется надеяться, что начинание наших польских друзей получит дальнейшее развитие.

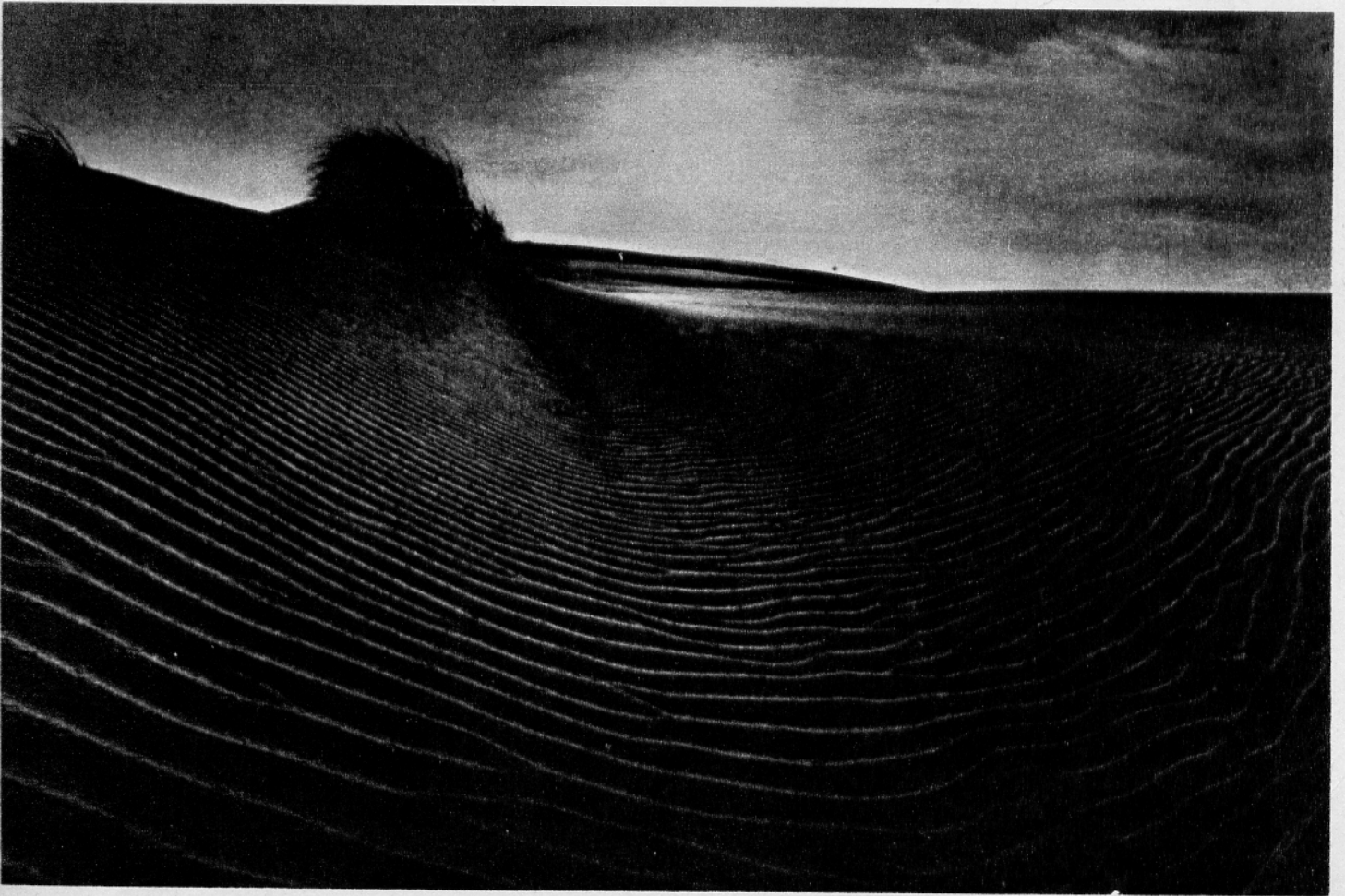
А. ЛАУРИМА,
председатель правления Таллинского фотоклуба

Г. ДИССЕЛЬ
(ГДР)
Песок

А. ЛАУРИМА
(СССР)
Ваморье

Б. КАРЛСОН
(Швеция)
Дюны

Индекс 70869